Ольга Елисеева

Вельможная Москва

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга молодого российского историка Ольги Игоревны Елисеевой «Вельможная Москва» посвящена судьбе отставных и опальных сановников второй половины XVIII века, поселившихся в старой столице и создавших ей славу центра русской дворянской оппозиции. В работе исследуется культурный феномен «столичности» Москвы, позволивший ей, независимо от официального статуса, сохранить роль ведущего города России.

- Ольга Елисеева
  - Введение
    - ■
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V

Ольга Елисеева
ВЕЛЬМОЖНАЯ МОСКВА
Из истории политической жизни России XVIII века

Посвящается 850-летию города.

Введение

«Жить в обществе не значит ничего не делать».

Екатерина II

«Генерал-аншеф князь Николай Андреевич, по прозванию в обществе le roi de Prusse, — с того времени, как при Павле был сослан в деревню, жил безвыездно в своих Лысых горах… Сам он постоянно был занят то писанием своих мемуаров, то выкладками из высшей математики, то точением табакерок на станке, то работой в саду и наблюдением над постройками, которые не прекращались в его имении… Несмотря на то, что он был в отставке и не имел теперь никакого значения в государственных делах, каждый начальник той губернии, где было имение князя, считал своим долгом являться к нему и точно так же, как архитектор, садовник или княжна Марья, дожидаться назначенного часа выхода князя в высокой официантской». Старый князь Болконский, принадлежал к той удивительной когорте представителей «золотого века русского дворянства», которые доживали свои дни в усадьбах вокруг Москвы.

Официально утратив при Петре I столичный статус, Москва сохранила за собой целый ряд «представительских» функций, позволявших ей бороться за положение духовного центра России. Именно здесь проходили коронации монархов, праздновались крупнейшие события в государственной жизни, например, заключения мирных договоров, в Москву из самых отдаленных уголков съезжались депутаты от сословий, чтоб принять участие в работе Уложенной Комиссии 1767 г.

18 февраля 1762 г. Петр III подписал Манифест о вольности дворянства, отменявший обязательную службу для благородного сословия. Вступив на престол, Екатерина II подтвердила Манифест, а затем в течение долгих лет шаг за шагом расширяла права дворянства. «Раскрепощение» дворян было законодательно завершено Жалованной Грамотой дворянству 21 апреля 1785 г. Отныне дворянин был свободен от обязательств перед государством, но вместе с тем на него возлагались функции по организации общественной жизни в тех городах, губерниях и уездах, где находились его имения.

Центром неслужебной деятельности дворян стала именно Москва, где было мало государственных учреждений, а частная жизнь процветала во всех ее проявлениях… Театры,

книгоиздание, научные и учебные общества, созданные по частной инициативе, наконец, более широкое, по сравнению с Петербургом, распространение масонских лож, первых в России форм общественных организаций, — отражало бурный процесс формирования дворянского общества.

Государственные деятели, попадавшие в немилость, в царствование Екатерины II предпочитали отправляться не в свои глухие деревни, подальше от людских глаз, а, напротив, приезжать в Москву и активно включаться в жизнь старой столицы. Впервые в русской истории государство не преследовало потерявших былую власть крупных политиков.

Причину такого знаменательного явления историки объясняли по-разному. Так, один из лучших знатоков эпохи Екатерины II — историк Я. Л. Барсков считал, что во второй половине XVIII столетия по сравнению со временем Петра I происходит ослабление государственной власти, усиление борьбы придворных группировок и расцвет фаворитизма. Екатерина II «превозносила самодержавие, — писал Барсков, — видела в нем спасение России, однако при всем желании абсолютного господства, она не могла справиться со страшной властью, оказавшейся в ее руках».

С подобным суждением не соглашался известный советский историк Н. Я. Эйдельман. Он отмечал, что во второй половине XVIII в. произошли значительные изменения «во взаимоотношениях между различными этажами российской государственной власти». «Если при Петре I и его ближайших преемниках обычной формой политических перемен были государственные перевороты, аресты, казни сановников, — писал Натан Яковлевич, — то при Екатерине II установились более гибкие формы: отставка министра и смена фаворита происходила сравнительно безболезненно, без пыток и казней». Причину подобного изменения Эйдельман видел в «поисках более оптимальных форм взаимоотношений дворянства, высшей бюрократии и самодержицы». По мнению историка, «новый тон придворной жизни усиливал политическую роль Екатерины II и стабилизировал государственную власть в стране».

Императрица не раз указывала и в официальных документах, и в переписке, что ставит «смягчение нравов» в русском обществе одной из важнейших задач своей внутренней политики. Во второй половине XVIII в. в России появляется такая достойная форма ухода с политической сцены, как добровольная отставка. К ней прибегли А. Г. Разумовский, А. Г. Орлов, П. И. Панин и некоторые другие вельможи специально, чтоб подчеркнуть свое несогласие с политикой монарха. Главы проигравших придворных группировок

устремлялись в Москву, которую воспринимали как оплот поддержки русского дворянского общества. Отныне формирующиеся направления политической мысли в России начинают сражаться за влияние на общественное мнение.

На протяжении тридцати с лишнем лет лидерами московского дворянского общества становились бывшие крупные сановники. Расскажем о пятерых — А. Г. Разумовском, П. И. Панине, А. Г. Орлове, Е. Р. Дашковой и А. М. Дмитриеве-Мамонове.

Алексей Григорьевич Разумовский первым совершил важный нравственный шаг. Он показал москвичам, что крупный политический деятель может после отставки не запираться от сограждан, а спокойно жить среди них. К сожалению, биография Разумовского плохо изучена. Круг научных работ о нем ограничивается пятитомным трудом историка XIX в. А. А. Васильчикова «Семейство Разумовских», где самому основателю рода уделено сравнительно мало места. Некоторые сведения, относящиеся к политической деятельности фаворита Елизаветы Петровны, можно почерпнуть из книги современного петербургского исследователя Е. В. Анисимова «Россия в середине XVIII в.» Крупицы ценной информации рассеяны в краеведческой литературе, посвященной Москве.

Странная картина сложилась и с изучением жизни таких выдающихся деятелей второй половины XVIII в. как Никита Иванович и Петр Иванович Панины. Их имена упоминаются во всех общеисторических трудах, касающихся екатерининского царствования, однако конкретных работ о жизни знаменитых братьев практически нет. Важный вклад в изучение политической роли Паниных внес патриарх американской русистики М. Раев в книге «Планы политических реформ в императорской России». Более детальное исследование придворной борьбы предпринял английский историк Д. Ренсел, чья работа «Политики екатерининской России» специально посвящена панинской партии. Многое для изучения конституционного проекта Паниных сделал видный советский историк Н. Я. Эйдельман, ознакомивший читателей с результатами своих изысканий в книге «Грань веков».

Вместе с братьями Паниными в русской политической жизни появляется понятие «оппозиця.» Петр Иванович Панин, покинув придворную сцену и поселившись в Первопрестольной, доказал, что руководство общественным мнением может дать в руки умелому политику не меньше козырей, чем непосредственное влияние на государя. Фактически он создал московскую оппозицию правительству Екатерины II, с которой императрице

приходилось считаться на протяжении всей второй половины ее царствования.

Алексей Григорьевич Орлов тоже занимался в старой столице политической деятельностью и вербовал сторонников оппозиции. Но не это стало главным в его московском изгнании. Русское общество еще только училось существовать вне сферы государственного контроля. Трудно было представить, что человек после столь блестящей карьеры не заскучает на вынужденном покое. Орлов обрел в Москве настоящее дело: вывел новую породу рысистой лошади, которая и по сей день остается на всех ипподромах мира своего рода визитной карточкой России.

Различные стороны государственной деятельности Алексея Орлова отражены в довольно большом кругу сочинений, посвященных перевороту 1762 г., действиям русской эскадры в Средиземном море и похищению княжны Таракановой. Гораздо меньше сведений можно отыскать о московской жизни Орлова. В начале прошлого столетия вышла книга С. Ушакова «Жизнь графа Орлова-Чесменского», изобилующая неточностями. Яркую по стилю изложения и любопытную по представленным в ней фактам работу «Алехан или человек со шрамом» опубликовал современный историк В. А. Плугин.

Среди всех сотрудников Северной Минервы княгине Екатерине Романовне Дашковой, быть может, повезло более всего: о ней написаны десятки работ на русском, английском, французском и немецком языках. Правда, в основном это небольшие статьи. Самым крупным биографическим трудом стала книга Л. Я. Лозинской «Во главе двух академий». Дальнейшая разработка дашковской темы шла по узким специальным направлениям: источниковедческое изучение ее мемуаров, генеалогия, академическая деятельность, заграничные контакты, музыка и архитектура в жизни Дашковой. К сожалению, московскому периоду в биографии Екатерины Романовны уделяется обычно мало места.

Жизнь Дашковой в старой столицы не ограничивался чем-то одним. Она трижды проводила опалы в Москве. Одна из интереснейших сторон ее личности ярко высвечивается именно на фоне взаимоотношений с дворянским обществом. Екатерина Романовна не принимала этого общества, но и не покидала его, как круг равных. Взаимное существование в полном нетерпении друг друга — характерная черта нарождавшегося русского гражданского сознания по отношению к окружающей российской действительности.

К чему приводила добровольная изоляция, видно на примере

трагической судьбы Александра Матвеевича Дмитриева-Мамонова — человека незаурядного, наделенного большими способностями, но не нашедшего в себе сил преодолеть страх и предубеждение перед взыскательным взглядом дворянских кругов старой столицы. Специальных научных работ, посвященных Мамонову нет. Его имя часто встречается на страницах дневников и мемуаров конца XVIII в., в переписке иностранных дипломатов. Краеведческая литература оказалась более благосклонна к владельцу Дубровиц и содержит немало интересных сведений о последних годах жизни, проведенных Мамоновым под Москвой.

Смерть каждого из знаменитых екатерининских вельмож становилась настоящим событием в Первопрестольной. Вместе с ними в небытие уходила целая эпоха.

Глава I
Вдовец императрицы

Ясным осенним утром 13 сентября 1762 г., когда еще по летнему пригревало солнце, а деревья уже подернулись первой желтизной, в старую столицу через триумфальные ворота, устроенные на Тверской улице, въехал раззолоченный царский «поезд». Первопрестольная встречала новую императрицу Екатерину II, которая через полтора месяца после совершенного переворота прибыла в Москву для коронации. Вереница карет и экипажей тянулась от Земляного города до Белого. Государыню окружали ближайшие к ней лица: Г. Г. и А. Г. Орловы, Н. И. и П. И. Панины, Е. Р. Дашкова и многие другие, чьи имена еще не раз промелькнут на страницах этой книги.

Москвичи с удивлением заметили в общем строю великолепные повозки знатных вельмож, находившихся в милости во время прежних царствований. Это было необычно. Как правило, любимцы и сотрудники старых государей теряли право появляться при дворе и немедленно отправлялись если не в Березов, то уж по крайней мере в отдаленную деревню под строгий надзор. На этот раз все было иначе. За каретой канцлера М. И. Воронцова, чья племянница Елизавета Романовна была фавориткой свергнутого императора Петра III; триумфальные ворота миновал экипаж старого фельдмаршала Б. Х. Миниха, возвращенного из ссылки и обласканного прежним государем и кареты братьев Разумовских, поднятых Елизаветой из низов малороссийского казачества. Их звезда закатилась вместе со смертью дочери Петра. Так почему же они здесь?

Начиналось новое царствование, и молодая императрица нуждалась во всех, кто мог ее поддержать.

В пышной веренице карет, украшенных цветами и позолотой, следовал и экипаж человека, для которого этот праздник оставался чужим. Так уж случилось, что главные события в жизни Алексея Григорьевича происходили именно в старой столице. Граф Разумовский, возлюбленный и, как поговаривали, тайный муж покойной императрицы Елизаветы Петровны, грустно смотрел на искрящееся вокруг веселье. Он возвращался в Москву, чтоб поселиться здесь на покое. В марте 1762 г. ему исполнилось 53, даже по понятиям того времени это была еще далеко не старость, но современники в своих записках упорно называют его «старым графом». Время Алексея Григорьевича действительно кончилось, и он понимал это.

В Москву тридцать лет назад, в январе 1731 г., его двадцатидвухлетнего певчего из Малороссии привез с собой полковник Ф. С. Вишневский для пополнения придворной капеллы. Здесь во время одного из богослужений обратила внимание на его чудный голос цесаревна Елизавета Петровна и приказала привести молодого певчего к себе. Тогда будущего графа звали просто Алексей Розум. Он покорил великую княжну непривычной южнорусской красотой. Высокий, стройный, смуглый, с черными как уголь глазами и черными же дугообразными бровями. Не сказав ему ни слова, Елизавета попросила обер-гофмаршала гр. Р. Левенвольде «уступить» ей молодого человека. Алексей Григорьевич был зачислен ко двору Елизаветы, а его фамилия «обрусела» и стала звучать как Разумовский.

Подобно своему великому отцу, Елизавета Петровна была очень проста в обращении, пела и плясала с московскими девушками из простонародья, сочиняла для них хороводные песни, крестила солдатских детей и случалось пила до пьяна. Она сама оказалась тогда в Москве как бы в опале. Императрица Анна Ивановна ревниво следила за ее действиями, денег для маленького двора цесаревны почти не выделяли. Впрочем, любимая дочь Петра не унывала и вела веселую, но крайне беспорядочную жизнь. С простонародной деловитостью Разумовский взялся за изрядно расстроенное хозяйство Елизаветы, из певчего он превратился в управляющего имений цесаревны. Алексей Григорьевич не позволил опальной принцессе так безудержно мотать и так безбожно пить, как раньше. Он «подарил ей дом».

Елизавета сумела по достоинству оценить усилия Разумовского. В критический момент подготовки переворота она, рискуя собственной головой, не захотела подставлять под удар возлюбленного. У нее уже был горький опыт. Прежний фаворит Елизаветы Алексей Никифорович Шубин, сын бедного владимирского дворянина, за несколько лет перед этим был схвачен по «слову и делу государеву» и с пристрастием допрошен в Тайной экспедиции. Из несчастного выколачивали признание в том, что окружение цесаревны готовит свержение Анны Ивановны. Был в 1731 г. заговор или нет — осталось тайной, Алексей Никифорович зубов не разжал и товарищей не выдал. После пыток, наказания кнутом и вырезания языка Шубина сослали на Камчатку. Такой судьбы для Разумовского Елизавета не желала. Алесей Григорьевич узнал о готовящемся перевороте только накануне вечером. В последний момент, когда цесаревна заколебалась, кавалеры ее двора обратились к Разумовскому с

просьбой уговорить будущую императрицу пойти на решительный шаг, его поддержка убедила великую княжну, в сопровождении виднейших заговорщиков она уехала к полкам, а Разумовского… оставила дома.

После восшествия Елизаветы Петровны на престол Алексей Григорьевич был пожалован в действительные камергеры и поручики лейб-кампании в чине генерал-лейтенанта, а вскоре стал обер-егермейстером императрицы. Почти не получив никакого воспитания, он обладал врожденным тактом и совестливостью, не стеснялся своих простонародных родственников, но и не позволил многочисленной малороссийской родне, как тогда говорили, «обсесть» трон. Перед поездкой императрицы на Украину Разумовский просил мать накрепко наказать «дядьям, зятьям и всей родне… чтоб отнюдь никто с них в то время именем моим не фастал (хвастал — *О. Е.*) бы и не славился б тем, что он мне родня».

При дворе фаворит держался с нарочитой простотой и доступностью. Крупным политиком он не был, отсутствие образования нередко ставило его в тупик. Но всеобщим посмешищем он не стал. Бывший певчий обладал по истине бесценным даром — способностью чувствовать чужую одаренность. Он приблизил таких видных деятелей как Г. Н. Теплов, В. Е. Ададуров, А. П. Сумароков, И. П. Елагин. Вместе с придворным духовенством они составили при переполненном иностранцами дворе «русскую» партию, поддерживавшую Разумовского.

Истинным поводырем для него в лабиринте придворных интриг становится граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, крупный государственный деятель, хитрый и порой беспринципный, но дальновидный дипломат. Разумовский помог ему сделаться великим канцлером и в дальнейшем руководствовался его мнением по вопросам внешней политики.

Для себя Алексей Григорьевич избрал скромную роль ходатая перед императрицей по делам православной церкви и надобностям Малороссии. На этом поприще он многого добился. Благодаря покровительству Разумовского, были созданы миссионерские центры в Заволжье для проповеди христианства среди татар и калмыков, в результате 360 тысяч человек приняли православие. Православные миссии посылались на Кавказ, в Сибирь и на Камчатку. В Астрахани была основана семинария специально для подготовки проповедников между иноверцами, для церковных нужд Грузии печатались Евангелия и духовные книги. В результате настойчивых просьб фаворита, было предпринято новое полное издание Библии, не появлявшееся в

печати с 1663 г. Разумовскому удалось добиться серьезного улучшения положения в Малороссии, он сумел провести несколько сенатских указов, запрещавших дворянам из России кабалить малороссийских крестьян.

Императрица Елизавета предпочитала шумную и по столичному щеголеватую Первопрестольную сырому и тогда еще плохо обжитому граду Петра. Ей было приятно показываться во всем блеске и силе там, где прошла ее бедная опальная молодость. Сказывалось и влияние московских церковных кругов, старавшихся хотя бы на время вновь объединить духовную и светскую столицу России.

В 1741 г. Елизавете едва минуло тридцать и, по свидетельствам современников, она была чудо как хороша. Ее не портила даже ранняя полнота. Императрица Екатерина II писала о ней в мемуарах: «Поистине нельзя было… не поразиться ее красотой и величественной осанкой. Это была женщина высокого роста, хотя очень полная, но ничуть от этого не терявшая и не испытывавшая ни малейшего стеснения во всех своих движениях… Она танцевала в совершенстве и отличалась особой грацией во всем, что делала, одинаково в мужском и в женском наряде. Хотелось бы все смотреть, не сводя с нее глаз, и только с сожалением их можно было оторвать от нее, т. к. не находилось никакого предмета, который бы с нею сравнился».

Не удивительно, что руки незамужней государыни огромной империи немедленно стали искать многие женихи и среди них — инфант Португальский, принц де Конти, принцы Гессен — Гомбургские, граф Мориц Саксонский. Появление при дворе в качестве законного супруга императрицы иностранного принца могло вернуть упавшее было влияние иностранцев в политике России. В создавшихся обстоятельствах московские церковные круги через духовника Елизаветы протоиерея Ф. Я. Дубянского и Новгородского архиепископа Амвросия, совершавшего коронацию, склонили ее к тайному браку с Разумовским. Интересный культурный феномен: православное духовенство, со времен Феодосия Печерского ополчавшееся против «латинян», было готово скорее благословить союз русской государыни со вчерашним казаком нежели отдать руку благоверной императрицы лютеранину или католику. Для традиционных кругов русского общества брак с иноверцем казался духовным мезальянсом. На мезальянс же в европейском понимании слова смотрели сквозь пальцы, так как сословные перегородки в формирующейся Российской империи после эпохи Петра были сильно размыты.

Время для осуществления подобного плана было избрано

удачно. Новая императрица демонстративно выражала свою склонность ко всему национальному. Из сурового заключения освободили осужденных при Анне Ивановне православных иерархов, им возвратили прежний сан и осыпали милостями. Впервые за последние 45 лет в церквях вновь загремели обличительные проповеди против иноверческого влияния в России. В присутствии благосклонно кивающей Елизаветы звучали рассказы о чудесах, творящихся у гроба святителя Дмитрия Ростовского. Для полного торжества русской партии при дворе не доставало малого — навсегда исключить саму возможность брака императрицы с иностранным принцем, и здесь влияние Разумовского было как нельзя кстати.

Однако вскоре после коронации в Первопрестольной появился человек, который чуть было не смешал задуманное. В Москву с тайной миссией из Франции прибыл граф Мориц Саксонский, маршал де Сакс, один из главных претендентов на руку Елизаветы Петровны. Сын курфюрста Саксонии Фридриха-Августа (впоследствии польского короля Августа II) и шведской графини Авроры Кенигсмарк.

Для русской истории Мориц остался знаменит тем, что дважды упустил императорскую корону. В 1726 г. расстроилось его сватовство к вдовствующей герцогине Курляндской Анне Ивановне, она не пленила его как женщина. А в 1727 г. не состоялся брак Морица с царевной Елизаветой Петровной, которая, хотя и была на редкость хороша, не могла принести ему в качестве приданого полунезависимого княжества. Обеим невестам красавец и боевой генерал де Сакс сумел вскружить голову, причем молоденькой Елизавете заочно. Какова же была досада Морица, когда обе его несостоявшиеся супруги одна за другой вступили на русский престол.

10 июня 1742 г. граф прибыл в Москву, чтоб, по официальной версии, добиться согласия России на закрепления за ним герцогского титула в Курляндии. У его визита были и другие далеко идущие цели. Мориц поселился в доме французского посланника маркиза Ж. Т. де Шетарди, главы партии профранцузски настроенных вельмож, подыскивавших жениха для императрицы. Интересы двух непримиримо враждебных придворных группировок столкнулись. В 11 часов вечера того же дня маршал де Сакс был представлен Елизавете Петровне. Не трудно вообразить, какие чувства испытал стареющий, но все еще красивый и элегантный Мориц, когда ему навстречу выплыла царственная дива. «Никто не мог бы остаться в живых, увидя ее», — как-то заметил китайский посол, — «если бы, конечно, у нее не были такие большие глаза». В самой изысканной

версальской манере Мориц передал императрице свое восхищение. Она благосклонно улыбнулась. На глазах двора завязывался узелок возможного романа. Обе партии, французская и русская, повели вокруг Елизаветы и Морица сложную игру.

Своя игра была и у государыни, правда она больше походила на женскую, чем на дипломатическую. Елизавете представился блестящий случай вдоволь поиздеваться над докучавшими ей своими раздорами придворными группировками, помучить ревностью горячо любимого Разумовского и наказать своего бывшего жениха, который 15 лет назад имел глупость от нее отказаться. Саксонский резидент Пецольд сообщал, что «публика» с нетерпением желает знать истинную причину приезда Морица, а московские слухи вращаются вокруг вопроса о браке императрицы. Елизавета окружила гостя вниманием, пригласила на придворный маскарад, танцевала и любезничала с ним, сама показывала ему во время верховых прогулок достопримечательности Москвы. Однажды пошел дождь, и Елизавета приказала завернуть в Кремль, как бы невзначай она провела Морица через большую залу Кремлевского дворца, где были разложены царские сокровища. Императрица добилась своего, де Сакс был подавлен при виде того, чего он лишился.

4 июля 1742 г. маршал де Сакс ни с чем покидал Москву. Яркая феерия русского императорского двора пронеслась мимо, лишь слегка задев его. Зато русская партия, московское духовенство и милый сердцу Елизаветы Разумовский торжествовали победу. Опасный визит иностранного жениха только подтолкнул развязку интриги с тайным венчанием.

Семейные предания рода Разумовских, записанные в прошлом веке историком А. А. Васильчиковым, гласят, что венчание состоялось осенью 1742 г. в подмосковном селе Перово. Обряд совершил духовник императрицы Ф. Я. Дубянский, молодые поспешили покинуть храм, чтоб не привлекать к себе лишнего внимания долгим пребыванием в скромной церкви. На обратной дороге карета императрицы поравнялась с храмом Воскресения в Барашах на улице Покровка. Здесь Елизавета приказала остановиться и отстояла с Разумовским молебен. После молебна Елизавета даже зашла к приходскому священнику выпить чаю.

В память о венчании императрица приказала поставить над крестами церквей в Перове и в Барашах позолоченные императорские короны, которые сохранились до наших дней. Оба храма были обновлены и богато одарены императрицей. В Перове появилась драгоценная церковная утварь, новые ризы, воздухи, вышитые самой императрицей золотом и жемчугом. Церковь

Вознесения в Барашах совершенно преобразилась, в ней был построен новый иконостас с живописными образами, а пол устлан чугунными плитами, привезенными из Синодального двора. На месте знаменательного чаепития в доме священника, по приказанию Елизаветы, Растрелли выстроил великолепный дом, подаренный Разумовскому.

Позднее в 1744 г. императрица подарила ему и Перово. Елизавета любила посещать это село и оставаться в нем надолго. Здесь Алексей Григорьевич подготавливал для своей августейшей супруги соколиные и псовые охоты, на которых присутствовал весь двор и иностранные министры. В Перово Разумовский выстроил красивый дом, разбил сад в «аглинском вкусе» с дорогими растениями, беседками, фонтанами и статуями, выписанными из Италии. Длинная аллея вела от дома до Измайловского зверинца. Страстная любительница народных песен Елизавета специально ездила в Перово смотреть на хороводы крестьянских девушек. Бесхитростная деревенская музыка многое говорила ее сердцу.

В том же 1744 году Алексей Григорьевич получил графское достоинство. Его реальный политический вес был огромен. 8 апреля 1747 г. саксонец Пецольд доносил в Дрезден: «Все уже давно предполагали, а я теперь знаю за достоверное, что императрица несколько лет тому назад вступила в брак с обер-егермейстером… Влияние старшего Разумовского на государыню до того усилилось после брака их, — продолжал резидент, — что, хотя он прямо и не вмешивается в государственные дела… однако каждый может быть уверен в достижении того, что хочет, лишь бы Разумовский замолвил слово». Еще в 1743 г. граф отправил своего младшего брата Кирилла Григорьевича на два года для обучения за границу, а когда тот вернулся, продвинул его на посты президента академии наук и гетмана Украины. Младший Разумовский. «Он был хорош собою, — писала в мемуарах Екатерина II, — очень приятен в обращении и умом несравненно превосходил брата своего… Я не знаю другой семьи, которая будучи в такой отменной милости при дворе, была бы так всеми любима, как эти два брата».

Брак Елизаветы был, что называется, для двора тайной полишинеля. Императрица слишком по-семейному вела себя с Разумовским, часто посещала Алексея Григорьевича в его покоях, обедала там, на людях застегивала ему шубу и поправляла шапку при выходе из театра в морозные дни. Польский король Станислав-Август Понятовский, описывал в своих мемуарах, как он, еще будучи молодым дипломатом, и находясь в России под покровительством Бестужева-Рюмина, часто гостил в доме

канцлера и слышал кулуарные беседы русских политиков. «Сам Бестужев неоднократно настаивал на том, — сообщает Понятовский, — чтобы Елизавета объявила публично о своем тайном браке с Разумовским — империи нужен был наследник по прямой линии». Однако этого русской партии добиться не удалось. Елизавета, несмотря на свою лень и капризы, по свидетельству Екатерины II, обладала глубоким умом. Она ясно понимала, что дети от морганатического брака получат слишком сильных соперников за границей в лице законных наследников Петра I по линии его старшей дочери Анны Петровны, вышедшей замуж за герцога К.-Ф. Голштинского. Это заставило Елизавету избрать цесаревичем своего немецкого племянника Карла Питера Ульриха, получившего при переходе в православие имя Петра Федоровича.

Этот долговязый нескладный юноша доставил Разумовскому своими непристойными выходками много горьких минут. Однажды он провертел дырку в стене своей комнаты, смежной с покоями обер-егермейстера, подставил к ней стулья и несколько вечеров подряд заставлял всех приходивших подсматривать за посещавшей Разумовского Елизаветой. Придворные не могли отказаться, только великая княгиня Екатерина Алексеевна была достаточно высокопоставленной дамой, чтоб открыто воспротивиться дикой выходке супруга. Остальные вынуждены были молча покрываться краской до ушей.

А между тем сцена, которую «зрители» увидели сквозь дыру в стене, с точки зрения современного человека была более чем невинна. Императрица Елизавета в домашнем наряде (т. е. без регалий, орденов и лент) за одним столом ужинала с болевшим тогда Алексеем Григорьевичем, он принимал ее в великолепном шлафроке (род халата, подбитого мехом), накинутом на рубашку. Об этой квинтэссенции «запретного действа» для человека XVIII в. стоит вспоминать всегда, когда речь заходит о *разнузданных* нравах того времени. Между «неприличным» в современном смысле слова и «непристойным» по понятиям людей эпохи русского абсолютизма пролегает глубокая пропасть. Дело не столько в раскрепощении нравов, сколько в значительном смещении понятий. Императрица была для подданных существом почти божественного порядка и видеть ее запросто, в домашней обстановке мог далеко не каждый.

Выходка великого князя привела Елизавету в гнев и до глубины души оскорбила Разумовского, но даже он не мог высказать цесаревичу своего негодования. С этого времени Алексей Григорьевич, мягко говоря, недолюбливал Петра Федоровича. В последние годы царствования Елизаветы

Разумовского оттеснили новые фавориты, сначала Н. А. Бекетов, а потом И. И. Шувалов.

Императрица старела, но не хотела сдавать позиций самой красивой дамы в Европе. Французский дипломат Ж.-Л. Фавье писал, что «никогда женщина не примирялась труднее с потерей молодости и красоты». Одним из средств борьбы с надвигавшимся увяданием Елизавета избрала молодых любовников. Но ее отношения с Разумовским до конца дней оставались дружескими и по-настоящему теплыми. Алексей Григорьевич не ушел в тень, и даже падение канцлера Бестужева-Рюмина, обвиненного в государственной измене, не отразилось на покровителе последнего. Столь почетное и прочное положение было возможно именно благодаря тому, что его с императрицей связывали тайные нерасторжимые узы.

Смерть Елизаветы была для Алексея Григорьевича страшным ударом. По словам саксонского министра графа Г. Брюля, «из всех русских вельмож достойнее всех себя показал фельдмаршал Разумовский, брат гетмана. После кончины императрицы он поверг к стопам нового монарха все свои знаки отличия, испрашивая как единственную милость, оставить за собой из всего огромного имущества одно только имение в Малороссии, где бы мог он провести остаток дней своих». Однако император отклонил его просьбу. В сущности Петр Федорович не был ни злым, ни мстительным человеком, он возвращал в столицу тех, кто подвергся опале в прежние царствования, и пока ни на кого не обрушил своей немилости. Новый государь оставил за Разумовским все его несметное богатство и высокий титул. Казалось бы, Алексей Григорьевич должен был испытывать благодарность к монарху. Но в том-то и была беда Петра Федоровича, что личным поведением он перечеркивал все хорошее, что делал.

Не дав Разумовскому отставки, император завел привычку каждый вечер посещать графа в его огромном Аничковом доме, чтоб выкурить трубку и по-приятельски выпить пива с вдовцом своей тетки. Ему даже не приходило в голову, что Алексей Григорьевич не в восторге от таких визитов. И дело не в том, что граф не курил табака, а пиву предпочитал «сладкие украинские водки». Пренебрежение к элементарным правилам приличия во время похорон покойной государыни и траура по ней в глазах современников выглядело как глумление над памятью Елизаветы. А этого Разумовский снести был не в силах. Возражать он не мог, но и видеть не желал. Поэтому Алексей Григорьевич снова и снова повторяет просьбу об отставке. Наконец, во время одного из приездов императора, граф подарил ему трость, украшенную

драгоценными камнями, попросил принять миллион рублей и вновь завел речь о желании удалиться от двора. Манифест о вольности дворянства был уже подписан, и Петр вместе с дарами принял отставку Разумовского.

Алексей Григорьевич оказался первым из русских вельмож, кто сам, добровольно, оставил службу. Сделал он это очень мягко, не высказывая недовольства происходящим в стране, но недовольство подразумевалось уже в самом шаге. До появления Манифеста о вольности дворянства 1762 г. достойной отставки быть просто не могло. Речь шла только об опале и ссылке, часто сопровождавшейся конфискацией имущества. В 20-летнее спокойное царствование Елизаветы Петровны, благодаря религиозному обету императрицы, данному в ночь переворота, в России не действовала смертная казнь. Страх плахи и бесчестья уходил в прошлое, и вместе с чувством личной безопасности у дворянства появлялась уверенность в себе. Добровольная отставка такого знаменитого вельможи, как А. Г. Разумовский, была важным актом нового нарождающегося самосознания русского дворянского общества.

Граф не успел покинуть столицу до переворота 28 июня 1762 г., возведшего на престол Екатерину II. Его брат гетман Кирилл Григорьевич принял участие в заговоре, новая государыня заметно благоволила к семейству Разумовских. Теперь Алексей Григорьевич отправлялся в Москву не один, как рассчитывал, а в составе великолепного царского поезда. Ему предстояло играть заметную роль на коронации новой императрицы: нести корону во время обряда венчания на царство. Вряд ли, отправляясь на покой, пожилой вдовец Елизаветы Петровны думал, что вокруг его имени завернется одна из крупнейших политических интриг начала царствования Екатерины II.

На придворной сцене менялись действующие лица, иностранные кабинеты: Версаль, Вена, Берлин — боролись за влияние на Петербург. Одно оставалось постоянным — жестокое противостояние национальной и одной из иностранных партий. Теперь роль русской партии играла группировка Орловых, а их противников — Паниных — европейские дипломаты в донесениях называли «прусской» партией. Возвращенный Екатериной II из ссылки бывший канцлер Бестужев-Рюмин сблизился с Орловыми. Именно он осторожно поведал фавориту историю брака Елизаветы и Разумовского, надолго пресекшего иностранную «инфлуенцию» при русском дворе.

Орловы предприняли попытку склонить Екатерину II к официальному браку с Григорием Григориевичем. Екатерина не имела на русский престол законных прав, власть новой

монархини основывалась на желании двора, гвардии и дворянского общества обеих столиц видеть императрицей именно ее. Но оно могло измениться, соверши Екатерина опрометчивый шаг. Предостерегая еще одного претендента на свою руку Станислава Понятовского от приезда в Россию, Екатерина писала ему 9 августа 1762 г.: «Пока я повинуюсь, меня будут обожать, перестану повиноваться — как знать, что может произойти».

В Москве императрице не замедлили дать это понять, как только бывший канцлер Бестужев-Рюмин стал собирать подписи не разъехавшегося еще после коронации дворянства под прошением о том, чтоб императрица вступила во второй брак. По старой столице поползли неодобрительные разговоры. Тайный брак Разумовского, о котором все знали, только придавал Алексею Григорьевичу всеобщее уважение, а в желании же Орлова венчаться открыто видели проявление непомерных амбиций и оскорбление императорского величия. Известная русская мемуаристка Е. П. Янькова (в девичестве Римская-Корсакова), молодость которой пришлась уже на самый конец XVIII столетия, записала раздраженные московские слухи о Г. Г. Орлове: «он метил очень далеко и уж чересчур высоко». Дело дошло до того, что с триумфальных ворот сорвали портрет императрицы, были раскрыты два офицерских заговора, имевших антиорловскую направленность.

Императрица колебалась и поставила вопрос о браке с Григорием Григорьевичем на обсуждение в Государственном Совете. Она напряженно ждала реакции высших сановников государства. Но присутствующие опасливо молчали. Наконец, с места поднялся Никита Иванович Панин и, плотно прижавшись к стене, потому что ноги плохо повиновались ему в этот момент, произнес слова, которые потом передавались из уст в уста: «Императрица может поступать, как ей угодно, но госпожа Орлова никогда не будет Российской Императрицей». Екатерина II закрыла заседание.

Для Панина этот шаг был связан с немалым риском. Его имя только что прошло по делу о двух заговорах. Следствие показало императрице, что в кругу панинской партии обсуждался вопрос об ее отстранении и выборе кандидатуры будущего регента: Н. И. Панин или И. И. Шувалов. Но одно дело негласно вести интригу при дворе, и совсем другое — открыто возражать государыне в Совете. На алой шелковой обивке стены, к которой прижался затылком Никита Иванович, остался след от его напудренного парика. В следующие несколько дней придворные чины перед докладом императрице приходили «для храбрости» прикоснуться головой к этому следу.

В ответ Орловы предприняли новый шаг, весьма опасный для Екатерины II. Бестужев знал, что у его бывшего покровителя Разумовского в доме хранятся документы, подтверждающие факт венчания с Елизаветой Петровной. По совету бывшего канцлера, Григорий Григорьевич испросил у императрицы проект указа об официальном признании Разумовского супругом покойной государыни и возведении его в достоинство императорского высочества. Таким образом создавался официальный прецедент для брака.

Екатерина II прямо не отказала фавориту, проект был составлен, но с ним к Алексею Григорьевичу императрица послала ярого противника самой идеи брака с Орловым канцлера Михаила Илларионовича Воронцова. История свидания канцлера и Разумовского была записана в 1843 г. министром народного просвещения графом С. С. Уваровым со слов своего тестя Алексея Кирилловича Разумовского — племянника тайного супруга Елизаветы, и опубликована в 1863 г. в Чтениях Общества Истории и Древностей. Важные источниковедческие комментарии на этот рассказ дал исследователь истории семейства Разумовских В. В. Васильчиков.

Итак, Воронцов отправился в 1763 г. в дом Разумовского на Покровке близ церкви Воскресенья в Барашах и застал Алексея Григорьевича, сидящим в креслах у камина с новым киевским изданием Священного Писания в руках. Показав графу проект указа, Воронцов попросил бумаги, подтверждающие факт венчания, для того чтобы императрица могла подписать документ. Несколько минут Алексей Григориевич молчал. Какие чувства боролись в этот момент в его душе? При жизни своей августейшей покровительницы, он дорого бы дал за такой указ, тогда на русском престоле оказались бы его потомки, а не голштинские принцы и принцессы. Теперь же ему, одинокому старику, доживающему в тишине свою жизнь, было все равно.

Граф подошел к комоду, достал ларец черного дерева, инкрустированный серебром и перламутром, долго рылся, отыскивая ключ, наконец открыл крышку, чем-то щелкнул, проверяя потайной ящик, и извлек оттуда сверток розового атласа. В свертке оказались пожелтевшие листы. Алексей Григорьевич, не давая их в руки Воронцову, медленно читал. Затем поцеловав их, граф повернулся к образам, перекрестился и, возвратясь к камину, положил бумаги в огонь. «Я не был ничем более как верным рабом ее величества… — произнес он, с трудом опускаясь в кресло, — Никогда не забывал я из какой доли и на какую степень возведен я десницею ее… Если бы было некогда то, о чем вы говорите со мною, то поверьте, граф, что я не имел бы

суетности признать случай, помрачающий незабвенную память монархини, моей благодетельницы». От Разумовского Воронцов вернулся к Екатерине II и донес ей о случившемся. Императрица протянула канцлеру руку для поцелуя со словами: «Мы друг друга понимаем».

Документы были уничтожены, прецедента больше не существовало. Хорошо осведомленный через брата обо всем, что происходило во дворце, Алексей Григорьевич чутьем старого придворного понял, в какое трудное положение попала новая императрица и чего она от него ждет. Он пожертвовал самым дорогим, что у него оставалось — памятью о своей безвозвратно ушедшей молодости, сказочном счастье и горячо любимой женщине.

Екатерина II сумела по достоинству оценить этот благородный поступок, и все дальнейшее время своего пребывания в Москве подчеркивала исключительное расположение к Разумовскому, вела себя с ним как со старшим родственником, навещала, а когда он приезжал ко двору первая вставала ему на встречу и, прощаясь, всегда провожала его до дверей комнаты. Старый граф оказал ей неоценимую услугу, Орловым пришлось смириться и оставить хлопоты о браке.

Через несколько месяцев Екатерина II в сопровождении великолепной свиты отбыла в Петербург, а Алексей Григорьевич остался в старой столице на покое. Он был первым из русских отставных вельмож, кто не спрятался в своем подмосковном имении, а начал жить свободно, принимать у себя гостей, устраивать праздники, держать открытый стол. Разумовского очень любили в обществе, и теперь к нему с охотой ездили, и приглашали к себе. Гулянья в великолепном парке, вокруг его городского дома, куда вход был открыт, сделалось заметной чертой московского городского быта второй половины XVIII в. Жители старой столицы воочию видели, как бывший государственный деятель после заката своей яркой карьеры ведет светскую жизнь среди других людей.

Скончался Алексей Григорьевич 6 июля 1771 г., во время одной из поездок в Петербург, и был похоронен в Александро-Невской лавре. Для большинства пришедших его проводить в последний путь он был уже не вельможей, а просто *человеком из общества*.

Глава II
Русский диктатор

5 октября 1770 г. в Петергофе на великолепном празднике в честь взятия Бендер Екатерина II пожаловала графа Петра Ивановича Панина орденом св. Георгия 1-ой степени. Возлагая на командующего 2-й армии генерал-аншефа Панина знаки недавно учрежденного ею воинского ордена, императрица не испытывала удовольствия. До нее давно доходили слухи о том, что Петр Иванович любую преграду берет, не считаясь с потерями. Теперь эти слухи подтвердились: осада Бендер была долгой, даже по официальным донесениям погибло более 6 тысяч человек, а после штурма 16 сентября 1770 г. город отдали на разграбление армии-победительнице.

Не был доволен полученной наградой и сам герой. Есть сведения, что Панины мечтали о фельдмаршальском жезле для Петра Ивановича. Не получив желаемого, покоритель Бендер подал в отставку 19 октября 1770 г. и уехал в Москву. Столь резкая отставка, всего через несколько дней после награждения, выглядела как политический демарш. Генерал Панин был фигурой настолько заметной, что о его поступке сообщили своим дворам все иностранные представители в Петербурге. Императрица направила главнокомандующему старой столицы князю Михаилу Никитичу Волконскому строжайшие инструкции следить за деятельностью Панина в Первопрестольной.

Один из виднейших русских масонов своего времени, Петр Иванович Панин вместе с своим братом — главой Коллегии иностранных дел Никитой Ивановичем Паниным долгие годы руководил прусской партией при петербургском дворе. При всей внешней несхожести братья как нельзя лучше дополняли друг друга: мягкий, вкрадчивый, неторопливый дипломат и мрачный неразговорчивый генерал с крутым решительным характером подчинили своему влиянию всех сторонников наследника престола, великого князя Павла Петровича. Чем ближе становилась роковая дата совершеннолетия Павла, тем большее число знатных особ желало влиться в ряды его приверженцев. К началу 1770-х гг. партия Паниных набрала небывалый политический вес и начала заметно теснить своих противников — Орловых.

Главнокомандующий Москвы М. Н. Волконский учредил за Петром Ивановичем «присмотр надежных людей», как он сообщал императрице. Так генерал Панин попал под негласный надзор —

случай в политической практике екатерининского царствования не частый. По всему было заметно, что императрица видела в брате канцлера серьезного противника. Согласно донесениям Волконского, в Москве Петр Иванович подвергал строгой критике правительственные меры, подрывая в дворянских кругах старой столицы доверие к императрице, и настойчиво твердил, что в 1772 г., после совершеннолетия сына, Екатерина II передаст ему корону. Результатом этой деятельности Панина стало изменение общественного мнения старой столицы в пользу наследника престола. В 1771–1772 гг. подобные слухи достигли своей кульминации. Московские поэты-масоны А. П. Сумароков, В. И. Майков и И. Ф. Богданович обращались к Павлу Петровичу с одами, подчеркивая предпочтительность мужского правления перед женским, отмечались черты характера цесаревича, присущие истинному государю, восхвалялись воспитатель наследника — Н. И. Панин — и «незабвенный завоеватель Бендер» — П. И. Панин. Таковы были явные знаки подспудных брожений в дворянском обществе старой столицы.

Но имелась и другая, тайная, сторона жизни Петра Панина в Москве, которую даже «надежные люди» Волконского заметить не могли в силу ее полной конспиративности. Шифрованная переписка генерала с Денисом Ивановичем Фонвизиным, секретарем и ближайшим сотрудником Никиты Ивановича Панина в Петербурге — это ценный эпистолярный комплекс, который исследован в наши дни историком О. Ф. Соловьевым. Письма Фонвизина с февраля 1771 по август 1772 гг. предоставляли Петру Панину подробную информацию о политической жизни двора, о ходе войны с Турцией, передвижениях чиновников по службе. По приказу Никиты Ивановича, Фонвизин снимал копии с многочисленных документов, проходивших через Коллегию иностранных дел, особенно с инструкций императрицы послам России за границей и отчетов последних в Петербург, донесений с театра военных действий, докладов братьев Орловых и других противников Паниных, и через специальных курьеров отправлял их в Москву Петру Ивановичу. Заметьте — Денис Иванович передавал государственную информацию секретного характера частному лицу. На такое вопиющее нарушение служебных инструкций, Фонвизин мог пойти лишь, будучи уверен в своей безнаказанности. Такую уверенность давала надежда на скорое изменение положения «царствующей особы» на российском престоле. Главную роль в грядущих переменах сторонники наследника отдавали Петру Панину.

Кем же был человек, который, находясь в отставке и внешне

пребывая не у дел, держал в своих руках нити обширного государственного заговора и двигал из старой столицы, как марионеток на сцене, фигуры в Петербурге?

Петр Иванович Панин родился в 1721 г. в семье генерал-поручика И. В. Панина и А. В. Эверлаковой. В возрасте 14 лет Петр Панин был определен в Измайловский полк капралом, а уже через год переведен в армию, действовавшую против турок. Шестнадцатилетним юношей он участвовал во взятии Перекопа и Бахчисарая. Раннее начало военной карьеры и не просто в полку, а на театре боевых действий наложило тяжелый отпечаток на характер молодого Панина. Пока его старший брат Никита Иванович пребывал в Данциге, где служил отец, или находился при дворе Елизаветы Петровны в качестве камер-юнкера, младший проходил кровавую школу. При железной воле Петра Ивановича, как отмечали современники, его отличали грубость, несдержанность, высокомерие и жестокость.

В 36 лет Панин стал генерал-майором, имея за спиной кампанию со Швецией. В годы Семилетней войны он отличился почти во всех крупных сражениях: при Грос-Егерсдорфе, Цорндорфе, Кунерсдорфе и взятии Берлина. При Ландберге его контузило, но жестокий к другим, Панин оказался беспощаден и к себе, и уже через несколько дней он встал в строй. По окончании войны в 1762 г. Петр Иванович был назначен губернатором Восточной Пруссии, отсюда потянутся его связи с прусским масонским братством. Взлет в его карьере начался после переворота 1762 г., в котором одну из руководящих ролей играл его брат — Никита Иванович. Петр Иванович за свои заслуги в минувшую войну был награжден чином генерал-поручика, орденом св. Александра Невского и получил шпагу с бриллиантами. В последующие годы императрица пожаловала Панина в сенаторы, возвела в графское достоинство и сделала членом Государственного Совета.

От брака с первой женой А. А. Татищевой генерал имел 17 детей, которые умирали в младенчестве. Заставляя болезненную женщину снова и снова рожать, он в конце концов свел ее в могилу. В 1767 г. Панин опять женился, теперь на фрейлине М. Р. Вейдель, принесшей ему пятерых малышей, из них выжили только сын Никита, будущий канцлер, и дочь Софья.

После отставки Москва приняла Петра Ивановича как незаслуженно обиженного героя войны, и генерал блестяще воспользовался своим положением. При всяком удобном случае он старался задеть Волконского и выставить московские власти в невыгодном свете. В декабре 1772 г. скончался старый друг Панина — тоже крупный московский масон, фельдмаршал Петр

Семенович Салтыков, который будучи московским генерал-губернатором во время Чумного бунта 1771 г., бросил старую столицу на произвол судьбы и уехал в свое имение Марфино. Императрица уволила Салтыкова в отставку. 26 декабря 1772 г. Салтыков умер, но Волконский не распорядился оказать покойному должные воинские почести. Тогда Панин приехал в Марфино и встал у гроба с обнаженным палашом, отказываясь уйти до тех пор, пока не прибыл почетный караул. Этим поступком Петр Иванович снискал большое уважение москвичей, быстро забывших позорное бегство Салтыкова и Старая столица превозносила благородное поведение отставного генерала.

С самого начала семидесятых годов в донесениях иностранных дипломатов при русском дворе мелькали отрывочные сообщения о том, что «низкие люди», — как писал 2 августа 1771 г. английский посланник Каскарт, — «желали свергнуть императрицу с престола под тем предлогом, что ей была вручена корона лишь на время малолетства сына, и возвести на престол великого князя, что они и намеревались исполнить в день св. Петра». Годом позднее новый британский посланник сэр Р. Гуннинг сообщал в Лондон 28 июня 1772 г. о цепи неудачных придворных заговоров, последний из которых был раскрыт буквально накануне его приезда в Петербург. Правительство удовольствовалось наказанием рядовых членов. Среди влиятельных лиц, «руководивших предприятием», назывались братья Панины и княгиня Е. Р. Дашкова, но Екатерина предпочла «не разглашать дела».

Любопытные сведения о политической борьбе того времени сообщил в своих мемуарах декабрист М. А. Фонвизин, племянник Дениса Ивановича. «В 1773 или 1774 г. — писал декабрист, — когда цесаревич Павел достиг совершеннолетия и женился…. граф Н. И. Панин, брат его фельдмаршал П. И. Панин, княгиня Е. Р. Дашкова, князь Н. В. Репнин… митрополит Гавриил и многие из тогдашних вельмож и гвардейских офицеров вступили в заговор с целью свергнуть с престола…Екатерину II. Павел Петрович знал об этом, согласился принять предложенную ему Паниным конституцию, утвердил ее своею подписью и дал присягу… Душою заговора была великая княгиня Наталья Алексеевна, тогда беременная». Один из секретарей Н. И. Панина — П. И. Бакунин — выдал императрице заговорщиков, Екатерина вызвала к себе Павла, который, испугавшись, передал матери список заговорщиков, но она демонстративно бросила бумагу в огонь, заявив, что не желает знать этих людей.

Рассказ М. А. Фонвизина изобилует неточностями и

анахронизмами, из-за этого целый ряд исследователей, и среди них такой видный знаток политической истории екатерининского царствования как В. С. Лопатин, склонны не придавать большого значения данному источнику. Известный специалист по русской истории XVIII–XIX вв. Н. Я. Эйдельман, напротив, видел в рассказе декабриста подтверждение реально существовавшего заговора 1773–1774 гг. Длинная полоса враждебных Екатерине II политических акций панинской партии тянулась с начала 70-х гг. Вероятнее всего, племянник Д. И. Фонвизина сливает воедино два разных заговора, в одном из которых принимали участие братья Панины, а другой, более поздний, сложился в среде молодого окружения Павла уже в 1775–1776 гг., его душой была беременная супруга наследника Наталья Алексеевна.

Что же представляла собой конституция Н. И. Панина, подписанная наследником, на основе которой должны были осуществляться перемены в жизни государства, после того, как генерал-аншеф Панин возведет на престол молодого монарха? Предисловие к этому интереснейшему документу эпохи сохранилось и ходило по рукам в списках, его называли также «завещанием Панина», (имея ввиду Никиту Ивановича Панина — *О. Е.*). Однако, текст будущего «коренного государственного закона» братья Панины подробно обсуждали между собой и через Д. И. Фонвизина, который выступал главным автором проекта. Согласно конституции Панина-Фонвизина, устанавливалась политическая свобода для дворянства, учреждался Верховный Сенат, как законодательный орган, а императору оставлялась исполнительная власть и чисто представительские функции. Часть членов Сената назначалась бессменно из числа наиболее родовитых аристократов, остальные же избирались от дворянства. Ни о каких правах других сословий русского общества того времени — купечества, однодворцев, казачества, государственного крестьянства — недвусмысленно заявивших о себе во время Уложенной Комиссии 1767 г., речи в проекте не шло. Таким образом, перед нами программа установления олигархического правления и ограничения самодержавия в пользу высшего дворянства. За образец, как это не раз происходило в русской политической истории XVIII в., было взято шведское государственное устройство.

В 1772 г. канцлер Никита Иванович сумел ослабить влияние Орловых, он предложил назначить фаворита главой русской делегации на Фокшанском мирном конгрессе для ведения переговоров с турками. Но по опыту Панин знал, что прямой и вспыльчивый Григорий — плохой дипломат. Негибкая позиция Орлова фактически привела к срыву мирных переговоров. Этот

роковой удар означал конец карьеры Григория Григорьевича, он помчался в Петербург, но было уже поздно, на дороге его остановил карантин. В эти дни совершился маленький придворный переворот: все заметные места заняли сторонники Паниных, и господствующей силой при дворе стала партия наследника Павла Петровича. Место фаворита занял А. С. Васильчиков — ставленник Никиты Ивановича Панина. Плотная стена сторонников сына замкнулась вокруг императрицы.

Ответный удар Екатерины доказывал, что она многому научилась у своего канцлера. Императрица объявила о желании женить наследника Павла Петровича. На первый взгляд, это был триумф партии цесаревича, ведь по понятиям того времени брак доказывал совершеннолетие человека. Казалось, Екатерина II спешит выполнить все формальности для передачи сыну короны. Именно Никите Ивановичу было поручено подыскать достойную кандидатуру невесты. Группировка Паниных находилась в зените своей силы почти год, за это время многое можно было сделать, по крайней мере вытребовать из Москвы Петра Ивановича. Но канцлера подвела его всегдашняя медлительность и осторожность. Считая дело почти выигранным, он постарался не раздражать императрицу, чтоб не спугнуть так великолепно развивавшуюся интригу.

Первым неладное почувствовал именно Петр Иванович, переписывавшийся с Фонвизиным. Ему, человеку серьезному и семейному, в отличие от влюбчивого ветреного брата, было ясно, что брак надолго может отвлечь внимание цесаревича Павла от политики, а сохранение влияния на него отныне будет в зависимости от отношений с будущей супругой.

С начала 1773 г. императрица предпринимает шаги для возвращения Орловым былого политического могущества. Григорий Григорьевич вновь начинает появляться при дворе, именно он, а не Никита Иванович, сопровождает императрицу и Павла Петровича на встречу с невестой цесаревича — принцессой Вильгельминой Гессен-Дармштадтской, приехавшей в Россию.

Вскоре письма Фонвизина из Петербурга становятся довольно тоскливыми. В канун свадьбы наследника в сентябре 1773 г. он писал в Москву: «Мы очень в плачевном состоянии. Все интриги и все струны настроены, чтоб графа (Н. И. Панина — *О. Е.*) отдалить от великого князя… даже до того, что под претекстом (предлогом — *О. Е.*) перестраивать покои во дворце велено ему опорожнить те, где он жил… Бог знает, где граф будет жить и на какой ноге. Только все плохо, а последняя драка будет в сентябре, то есть брак его высочества, где мы судьбу свою узнаем». Данное

письмо обращено не к Петру Ивановичу, а к сестре драматурга Е. М. Фонвизиной. Сведения, сосредоточенные в нем, вероятно, предназначались для передачи генералу П. И. Панину. Писать прямо становилось небезопасно, в конце лета, по повелению Екатерины, Волконский усилил надзор за Паниным.

Императрица приказала Волконскому послать к генералу «одного надежного человека выслушать его дерзкие болтанья». Петр Иванович, видимо, почувствовал слежку, прекратил агитацию и замкнулся. По донесениям Волконского, «сей тщеславный самохвал… гораздо утих и в своем болтанье несколько скромнее стал». Однако опытный чиновник сомневался в причине изменения поведения Панина: «от страха или для закрытия каких видов?» — рассуждал он. Волконский предлагал императрице как можно скорее «отлучить от двора и от обеих резиденций» всех сторонников Паниных и тем самым «шайку сию рассыпать». Это легче было сказать, чем сделать, но кое что Екатерине удалось.

После свадьбы цесаревича в 1773 г. она отстраняет Никиту Ивановича от поста воспитателя при Павле, поскольку совершеннолетний женатый наследник уже официально не нуждался в наставнике. Канцлер был осыпан милостями и огромными пожалованиями. Внешне все выглядело очень благовидно. Довольная своей маленькой победой Екатерина писала 25 сентября Волконскому в Москву: «Что же касается до дерзкого, вам известного болтуна, то я здесь кое-кому внушила, чтоб до него дошло, что, если он не уймется, то я принуждена буду его унимать наконец. Но как богатством я брата его осыпала выше его заслуг на сих днях, то чаю, что и он его уймет же, а дом мой очистится от каверзы». 30 сентября чуткий к изменениям поведения своего «подопечного» Волконский отметил, что, узнав о наградах своего брата, Петр Иванович «еще больше задумчивее стал» и принимает поздравления по этому поводу «с некоторую холодностью».

Отставному генералу было о чем сожалеть, его партия упустила время для решительных действий, а теперь богатые пожалования могли склонить канцлера к отказу от принятой программы. На время устанавливается шаткое равновесие сил между сторонниками и противниками Екатерины II. Как следствие, встал вопрос о фаворите: креатура Панина — Васильчиков далее не мог занимать этот пост, поскольку его покровитель потерял свое прежнее положение. Орловы же еще не вернули былого могущества: между Екатериной и Григорием Орловым старые отношения не восстановились. На мгновение две противоборствующие политические силы, как Сцилла и Харибда,

расступились, чтоб пропустить на сцену нового актера. 4 февраля 1774 г. из армии прибыл давний друг Екатерины, много лет безнадежно влюбленный в нее — генерал-майор Г. А. Потемкин. Кандидатура Григория Александровича устраивала всех, поскольку обе партии видели в нем проходную фигуру. И просчитались.

Вновь первым в ситуации разобрался Петр Иванович. «Сей новый актер станет роль свою играть с великой живостью и со многими переменами, если только утвердится», — писал он о Потемкине в письме 7 марта 1774 г. к своему племяннику камер-юнкеру князю А. Б. Куракину. Панин знал Потемкина по русско-турецкой войне и имел возможность оценить его характер, он первым из панинской группировки попытался установить контакт с будущим фаворитом и сделать его своей креатурой. Потемкину нужна была помощь, чтоб укрепиться при дворе. По дороге в Петербург, проезжая через Москву, он согласился встретиться с опальным генералом. Их разговор не мог не затронуть болезненной темы, вертевшейся тогда у всех на языке. Беглый казак Емельян Пугачев, объявив себя спасшимся императором, вел военные действия в далеком Оренбуржье с все возрастающим успехом. Маленькие крепости на границе сдавались одна за другой, правительственные войска терпели поражения. Положение было серьезным. Как видно из дальнейших писем Потемкина к Панину, Петр Иванович заверил его в своем желании «послужить Отечеству».

Сразу после приезда в столицу Потемкин сближается с Никитой Ивановичем, который видит в нем человека своего брата и на первых порах помогает новому генерал-адъютанту укрепить свои позиции. 23 июля 1774 г. в Петергофе двором было получено известие о заключении мира с Турцией, столь необходимого для борьбы с Пугачевщиной. Между тем события на внутреннем фронте приняли угрожающий оборот. Самозванец сжег Казань, теперь повстанцам открывался путь на Москву. 26 июля Екатерина со всей свитой отбыла в Ораниенбаум, где состоялось заседание Государственного Совета. На нем Никита Иванович Панин обвинил главнокомандующего войсками, действовавшими против Пугачева, князя Ф. Ф. Щербатова в вялости и нерешительности и потребовал назначить на его место своего брата — генерал-аншефа Панина. Вот, когда встал вопрос о возможности «послужить Отечеству».

За обедом Никита Иванович прямо объяснился с Потемкиным, и тот повторно доложил Екатерине столь неприятное ей предложение Никиты Ивановича. Вечером императрица в обществе канцлера вернулась в Петергоф, по

дороге ловкий дипломат лично передал ей доводы в пользу своего брата. Екатерина была подавлена, она понимала, что шаг, на который ее подталкивают, грозит ей потерей короны: она должна была своими руками вверить огромные войска человеку, поставившему цель возвести на престол ее сына. Никита Иванович сообщал брату, что его назначение дело почти решенное. Тогда же из столицы в Москву был отправлен А. Н. Самойлов, племянник Потемкина, с письмом дяди. Григорий Александрович напоминал Панину их разговор зимой 1774 г. и сообщал, что именно он предложил императрице кандидатуру Петра Ивановича. Неопытный еще политик сумел перехватить инициативу у канцлера и вбить клин между братьями, ведь Петр Иванович прекрасно знал, насколько нерешителен его петербургский родственник.

Теперь, когда все просили согласия генерала Панина возглавить войска, московский затворник мог выставлять свои требования. Он желал получить полную власть над всеми воинскими командами, действующими против армии самозванца, а также над жителями и судебными инстанциями четырех губерний, включая и Московскую. Особо оговаривалось право командующего задерживать любого человека и вершить смертную казнь на вверенной ему территории. Эти условия Панин изложил в письме к брату, а канцлер передал их Екатерине. Одновременно Никита Иванович вручил императрице подготовленный им черновой проект рескрипта о назначении П. И. Панина главнокомандующим, и целый ряд других, необходимых для этого документов, которые предоставляли неограниченные полномочия новому главнокомандующему. 29 июля все поданые Никитой Ивановичем бумаги были утверждены императрицей лишь с некоторыми «несущественными» уточнениями.

С 28 на 29 июля 1774 г. могла возникнуть отчаянная записка Екатерины к Потемкину по поводу предоставления графу Панину «диктаторских» полномочий. «Увидишь, голубчик, — пишет она, — из приложенных при сем штук, что господин граф Панин из братца своего изволит делать властителя с беспредельной властью в лучшей части империи, то есть в Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерниях… Что если сие я подпишу, то не токмо князь Волконский будет огорчен и смешон, но я сама ни малейше не сбережена». Переслав Потемкину требования Петра Панина, императрица просила у него совета: «Вот Вам книга в руки: изволь читать и признавай, что гордыня сих людей всех прочих выше». Волнение и крайнее раздражение Екатерины прорывается в последних строках записки: «Естьли же тебе угодно, то всех в одни сутки так приберу

к рукам, что любо будет. Дай по-царски поступать — хвост отшибу!»

Посоветовавшись с Потемкиным, Екатерина вносит ряд поправок в подготовленные Никитой Ивановичем документы: главнокомандующему против «внутреннего возмущения» было отказано в начальстве над Московской губернией, а обе следственные комиссии, которые П. И. Панин хотел подчинить себе, оставались в непосредственном подчинении императрицы, это притязание нового командующего вызвало у нее особенно резкие возражения. Таким образом, Петр Иванович и получал, и не получал желаемое. Он не отказался от командования, хотя не все его условия были выполнены: такая, урезанная власть предоставляла ему в руки большие шансы для политической борьбы. Но теперь у императрицы имелась реальная возможность противостоять возможному «диктатору», тем более что самая важная Казанская следственная комиссия оставалась в ведении троюродного брата Потемкина Павла Сергеевича.

Был ли Петр Иванович доволен таким оборотом дел? Молодой политик сумел развернуть игру невыгодным для партии Паниных образом. Это было первое поражение, которое прусская группировка потерпела от Потемкина. Но для Петра Ивановича настоящая борьба только начиналась.

Получив назначение, он не поехал сразу в Казань, поскольку военные действия захватывали уже и Московскую губернию. Панин намеревался превратить старую столицу в свою штаб-квартиру и сосредоточить власть в Москве в своих руках. В этом случае исполнить его далеко идущие политические замыслы было бы куда легче. Но в Первопрестольной оказалось два главнокомандующих — Волконский и Панин. Официально Москва не была вверена власти Петра Ивановича. Он выдвинул на дорогах, идущих к старой столице значительные силы, а когда волны крестьянской войны под ударами регулярной армии стали откатываться все восточнее, у главнокомандующего не оказалось никакого предлога для задержки в Москве. Сначала он руководил операциями из ближнего к старой столице города Шацка, а затем вынужден был последовать за карательными отрядами в Симбирск.

На охваченных мятежом землях Петр Иванович, имея в руках огромную воинскую силу, почувствовал себя полным господином. Обе столицы были далеко, вокруг бушевало кровавое море крестьянской войны, и Панин не стал смущаться в выборе методов для подавления бунтовщиков. Ни при А. И. Бибикове, ни при Ф. Ф. Щербатове, прежних командующих, край не видел ничего подобного от представителя правительственной власти.

Террор охватил очищенные от повстанцев земли; для устрашения волнующихся крестьян Панин приказал казнить мятежников прямо на месте поимки, без суда и следствия. Именно тогда вниз по рекам поплыли плоты с колесованными и подвешенными за ребра пугачевцами.

Однако на Волге власти главнокомандующего противодействовал Павел Сергеевич Потемкин, руководитель Казанской следственной комиссией, переживший с населением в казанской крепости страшные дни, когда Пугачев сжег город, а захваченных горожан расстрелял на поле из пушек. Между Паниным и Потемкиным разгорелась настоящая борьба из-за подследственных. Прошедшие через панинский сыск, уже никому не могли ничего рассказать. Звериная жестокость Петра Панина показала себя в приемах допросов в военной канцелярии. Эти вопросы подробно исследованы в недавно опубликованной источниковедческой работе современного историка Р. В. Овчинникова, посвященной материалам следствия и суда над Пугачевым. Число подвергшихся разного рода наказаниям по приговорам Панина составило около двадцати тысяч человек.

Павел Сергеевич писал из Казани Екатерине II и своему брату, жалуясь на действия Панина. Особенно возмутило Потемкина то, что Петр Иванович, захватив секретаря Пугачева мценского купца Трофимова — составителя последних указов мнимого императора Петра III (он действовал под именем А. И. Дубровского), не только не передал его следственной комиссии, обращением во время допросов довел до смерти. Из рук правительства ушел один из главных свидетелей, который, по словам Павла Сергеевича, был «всех умнее». В могиле «тайны нужные вместе с ним погребены», — заключал Потемкин. Почему Петр Иванович сначала долго держал «обер-секретаря» в Царицыне и Саратове, а когда встал вопрос о его передаче, позволил убить на допросе? Что мог рассказать 24-летний грамотный сотрудник Пугачева? Об этом остается только догадываться.

1 октября 1774 г. выданный собственными сообщниками Пугачев был привезен А. В. Суворовым в Симбирск, где пленника принял Панин. На допросе он накинулся на злодея с кулаками и вырвал ему клок бороды. Вскоре следствие переместилось в Москву, сюда же вместе с «главными колодниками» приехал П. С. Потемкин. Именно здесь, в Первопрестольной, разгорелась последняя схватка между сторонниками и противниками императрицы в деле, связанном с крестьянской войной. Екатерина официально не принимала участия в следствии и суде, но ее переписка с П. С. Потемкиным, М. Н. Волконским и генерал-

прокурором Сената А. А. Вяземским, председательствовавшем на суде, доказывает, что она ни на минуту не выпускала из рук нитей следствия и проводила через своих приверженцев нужные ей решения.

Панинская группировка всячески старалась повлиять на следствие и суд, она добивалась сурового наказания вожаков восстания, в частности смертной казни через четвертование по крайней мере для 30–50 человек. Подобный шаг преследовал не только устрашение. В России вообще отвыкли от подобных зрелищ за время царствования Елизаветы Петровны, давшей обет «никого не казнить смертью». Никита Иванович помнил, как неприятно был поражен Петербург казнью В. Я. Мировича, ведь столица ожидала помилования. Обильная кровь на московских плахах не могла вызвать восторга у общества Первопрестольной. Партия Панина стремилась прочно связать имя императрицы со страшными событиями крестьянской войны и жестокой расправой над повстанцами. Но одно дело вешать мятежников в далеком Оренбуржье, и совсем другое — в сердце страны, на глазах у всего дворянства. Сам собой напрашивался вопрос, а достоин ли царствовать государь, допустивший в России новую смуту и такую кровавую расправу над побежденными?

Екатерина это прекрасно понимала, и потому так упорно боролась за каждую жизнь в судебном приговоре. В нужный момент она осуществила нажим, и негласно настояла на смягчении приговора. Суд принял решение наказать смертью только самого Пугачева и пятерых его ближайших сподвижников, которые были повешены. В вопросе о выборе способа казни для самозванца тоже развернулась невидимая борьба. По закону Пугачева должны были четвертовать, но палачу было передано тайное приказание императрицы «промахнуться» и сначала отрубить «злодею» голову.

Нелегко прошло и подписание Манифеста о прощении бунта. Провозглашение подобного документа прекращало преследования бывших повстанцев в стране. Оно ставило точку в крестьянской войне, а значит и в полномочиях Петра Ивановича. Во взбудораженной, охваченной карательными акциями России легче было осуществлять намеченные планы.

В феврале 1775 г. царский поезд прибыл в Москву. Восторженный прием, оказанный на улицах города толпами народа наследнику престола Павлу резко контрастировал с той холодностью, с которой москвичи встречали Екатерину II. Ехавший за каретой цесаревича его молодой друг Андрей Кириллович Разумовский шепнул на ухо Павлу: «Ваше высочество, если б вы только захотели…»

Любовь старой столицы к наследнику еще больше убеждала Паниных в возможности осуществления их планов. Но чуткая к любым колебаниям общественного мнения императрица сделала шаг к сближению с сыном, она стала призывать его для обсуждения подготавливаемых ею документов. Братья Панины решили действовать через Павла.

В первой половине марта Екатерина работала над Манифестом «о забвении» всего, связанного с бунтом Пугачева. Она давала его для ознакомления Петру Ивановичу, который продержал документ чуть дольше положенного. Вероятно, он успел переговорить с цесаревичем, прежде чем тот высказал свое мнение матери. В записке Г. А. Потемкину 18 марта 1775 г. она говорила: «вчерась Великий Князь поутру пришед ко мне… сказал… прочтя прощение бунта, что это рано. И все его мысли клонились к строгости». Однако императрица не вняла доводам сына. На другой день она прочитала Манифест в Сенате и при его оглашении, по ее словам, «многие тронуты были до слез». Внутренняя смута была подавлена, и меры, предпринятые Екатериной, не позволили Паниным передать корону наследнику Павлу Петровичу.

Во время летних торжеств, посвященных годовщине Кючук-Кайнарджийского мирного договора 10 июня 1774 г., награждали не только отличившихся в войне с Турцией. Усмирители бунта тоже получили свои награды, хотя само название «Пугачевщина» не произносилось, а участвовавшим в ее подавлении офицерам вспоминали только их заслуги на поле боя с внешним врагом. Петр Иванович получил похвальную грамоту, меч с алмазами, алмазные знаки ордена св. Андрея Первозванного и 60 тысяч рублей на «поправление экономии». Панин прекрасно понимал, что на этот раз его партия проиграна и 9 августа 1775 г. вновь подал в отставку. Он продолжал близко общаться с Павлом Петровичем, долгие годы по переписке участвовал в разработке конституционных проектов для будущего императора, но заметной политической роли уже не играл, особенно после того как в начале 80-х гг. панинская группировка в Петербурге была окончательно вытеснена русской партией Потемкина. Никита Иванович удалился от дел и умер 31 марта 1783 г. Петр пережил брата на шесть лет, он скончался 15 апреля 1789 г. в своем селе Дугине под Москвой. Масонские круги старой столицы откликнулись на это событие горестными одами и речами, отмечая в покойном «чуждое всякого пристрастия сердце, непотрясаемую твердость, примерную любовь, усердие, ревность ко главе и всему составу общества». Так ушел из жизни человек, которого императрица Екатерина II боялась увидеть диктатором

над своей страной и сделала все возможное, чтобы не пропустить его к власти.

Глава III
Меченный

В самом конце 1775 г. в зимнюю стужу по первому санному пути в Москву прибыл новый герой. Ему предстояло играть на сцене Первопрестольной заметную роль более 30 лет. Этот человек — граф Алексей Григорьевич Орлов. Один из глав гвардейского крыла заговорщиков во время переворота 1762 г., соучастник трагедии в Ропше, фактический руководитель знаменитого рейда русской эскадры в Средиземное море, герой Чесменского сражения 1770 г., похититель княжны Таракановой… Светлые и темные пятна в его биографии наложены так густо, что порой за ними пропадает образ реального человека.

Когда-то в молодости сержант Преображенского полка Орлов получил в кабацкой драке от артиллерийского ротмистра А. М. Шванвича удар палашом по лицу. От этого удара остался длинный рубец и Алексея стали называть — balafre — человек со шрамом или меченый. Тогда будущий генерал-аншеф и первый Георгиевский кавалер не подозревал, что это обидное прозвище станет в глазах современников выражением совсем не телесной отметины.

Личность неординарная, богато одаренная от природы, всю жизнь, как губка, впитывавшая знания из самых разнообразных областей науки и военного искусства — Алексей Григорьевич по праву занимал одно из наиболее значимых мест среди сподвижников Северной Минервы. Из всех пяти братьев, по словам французского дипломата Сабатье де Кабра, он был единствен ным по-настоящему «государственным человеком». Императрица умела почувствовать это куда лучше любого иностранного наблюдателя.

Современники по-разному оценивали Алексея Орлова: им восхищались, его презирали. Но было одно чувство, которое испытывали и друзья и враги — страх. Мрачная ропшинская тень неотступно стояла за плечами графа, заставляя думать о нем, как о человеке, способном на все.

Вот уже более двухсот лет сначала современники, а затем историки и беллетристы предъявляют Алексею Орлову счет за убийство Петра III, а между тем никаких реальных доказательств не существует. Алексею была поручена охрана свергнутого монарха, с мызы в Ропше он отправил Екатерине II несколько записок о состоянии здоровья и поведении ее супруга. Часть этих записок сохранилась в подлинниках, а последняя, самая важная, в

которой говорится об убийстве императора гвардейцами во время драки за карточной игрой, существует только в копии. Любой добросовестный историк скажет, что копия — не подлинник, и для доказательства достоверности ее содержания нужно потратить иногда годы работы. В последние годы появились исследования, ставящие под сомнение как подлинность самой знаменитой записки, так и традиционно трактуемые обстоятельства смерти Петра III. Отсылаем читателей к монографии А. Б. Каменского «Под сению Екатерины», к статьям О. Иванова, специально посвященным источниковедческой разработке данного вопроса, и биографии Алексея Орлова, написанной В. А. Плугиным. Для нашего же повествования важно не столько то, был ли в действительности Алексей Григорьевич виновен в гибели свергнутого императора, сколько то, что его считали виновным.

В глазах современников Орлов оказался запятнан кровью монарха. Согласно православным представлениям грех цареубийства — один из самых тяжких. «Не прикасайтесь к помазанным моим», — сказано в Псалтыри. Пока Орлов находился в силе, он мог не обращать внимание на отношение публики к себе. Ему ни кто не осмелился бы отказать от дома или не подать руки. Но вот настал час отставки и Алексею предстояло испить всю чашу неприязни, которая накопилась в Первопрестольной по отношению к Орловым. Граф мог отправиться в свои обширные имения и избежать встречи с московской знатью. Но он принял бой.

Жизнь нашего героя начиналась в Москве на тихой Малой Никитской улице в Земляном городе, где его отец, бывший новгородский губернатор, Григорий Иванович Орлов владел домом. Известно, что человек возвращается в места своего детства и принимается за старые, некогда любимые им занятия, именно в сложные минуты жизни, когда ему нужна душевная поддержка. В такой поддержке Алексей Григорьевич нуждался. Совсем недавно он потерпел поражение при дворе. С начала 70-х гг. партия Орловых стала терять силу, сначала в противостоянии с Паниными, затем с Г. А. Потемкиным. Наконец, он был вынужден оставить службу. Поняв, что его усилия поколебать могущество светлейшего князя тщетны, Орлов решил надолго обосноваться в Москве, сжиться с московской оппозицией правительству в Петербурге и использовать ее в своих интересах.

Алексей поселился в великолепном доме неподалеку от Донского монастыря, где, согласно традиции, начал держать открытый стол. На его обеды мог без приглашения прийти любой «человек из общества», и лишь, если гость оказывался без

мундира, хозяин справлялся о его звании. Открытый стол — одна из отличительных черт быта вельможи XVIII — как бы с самого начала показала москвичам, что граф не собирается прятаться от общества. Более того, любой приехавший в старую столицу дворянин мог рассчитывать на гостеприимство Орлова, что в глазах людей того времени, без сомнения, говорило в его пользу. По воскресным дням в доме у Донского монастыря обедало до 300 человек.

Чтобы привлечь симпатии общества старой столицы, граф стал заниматься устройством любимых развлечений москвичей: скачками, кулачными боями, петушиными драками, псовой охотой. Согласно веяниям времени, он создал свой дворовый театр, поскольку Москва тогда считалась признанной театральной столицей России. В те времена Нескучное было селом. Здесь долгие годы существовал т. н. «воздушный театр» Алексея Орлова, представления давались под открытым небом. Вместительная галерея полукружьем огибала сцену, для которой обсаженные вокруг нее кусты и деревья заменяли декорации. Это нововведение пришлось очень по вкусу московской публике, и на необычные спектакли к графу Орлову стало собираться лучшее общество.

Сад Нескучного Алексей Григорьевич гостеприимно открыл для общественных гуляний, которые так любили москвичи. Расположенный на холмах и взгорьях, разбитый на множество дорожек, искусственных прудов, окруженных купальнями и беседками, этот сад сразу приглянулся московской знати. Летом каждое воскресенье в Нескучном для увеселения публики граф устраивал праздники с фейерверками и угощениями.

Одной из самых популярных московских забав, посмотреть на которую охотно собирались не только мужчины но и дамы, были кулачные бои. Они устраивались обычно в зимнее время под старым Каменным или Троицким мостом. Еще мать Петра I царица Наталья Кирилловна любила ездить сюда в санях и любоваться удалью сражающихся. От небольшой запруды речка Неглинная в этом месте образовывала пруд, тянувшийся во всю длину современного верхнего Кремлевского сада. На льду искусственного водоема происходила любимая народная потеха.

Орлов не только сам участвовал в боях, причем очень часто выходил из поединков с победой, но и организовал первую в России школу для кулачных бойцов, куда отбирал мужиков из соседних деревень и своих крепостных. Создание профессиональной школы и введение в борьбу жестких правил, не позволявших калечить противников, сразу принесло Алексею огромную популярность. Публика специально собиралась болеть

за графа — кулачного бойца. Первый Георгиевский кавалер, ближайший друг и сподвижник Екатерины II не гнушался выходить на утоптанный и посыпанный опилками снег, чтоб принять участие в любимой народной потехе. Алексей стал кумиром. Его примеру последовали и другие представители благородного сословия, давно мечтавшие, но не решавшиеся переступить через грань приличий.

Школой кулачных бойцов Алексей Григорьевич занимался всерьез. Он отвел для нее помещение в своей городской усадьбе, где проводились тренировки. Английский путешественник Уильям Кокс, посетивший Москву в конце 70-х гг. XVIII в., описал одну из таких тренировок в доме графа Орлова. Кокс был очарован Алексеем и тем, как граф умел управлять огромной толпой собравшихся бойцов. «В одно время между собою могли бороться только двое, — писал англичанин, — на руках у них были одеты толстые кожаные перчатки… Положения у них были совсем иные, чем у борцов в Англии… Когда же иной боец своего противника валил на землю, то его объявляли победителем, и тот час же прекращалась борьба этой пары… Иные из бойцов отличались необычайной силой, но их обычай в бою мешал несчастному случаю, также мы не заметили перелома руки или ноги, которыми обычно кончаются бои в Англии». Кокс с увлечением сравнивал русские приемы единоборства с английскими. Интересно, что при глубокой несхожести культур жители России и Британских островов отдавали предпочтение одним и тем же видам развлечений — бокс и лошади.

Приехав в Москву, Алексей организовал бега на поле под Донским монастырем. Он первым ввел моду кататься по городу в легких беговых санках с русской упряжью. Место, избранное им для катаний, было очень удобно, и многие московские аристократы обращались к нему за разрешением принять участие в бегах. Граф ни кому не отказывал, но ставил условие употреблять русскую упряжь. С этого времени знать старой столицы отказывается от тяжелых вызолоченных немецких саней, очень неудобных для движения на улицах города.

Скачки были давним пристрастием Орлова. Со свойственным графу деловым подходом он сумел превратить это азартное зрелище в особую отрасль своего московского хозяйства. Во время военных действий в Средиземном море он задумался о создании собственного конного завода. Из Египта ему привезли 30 жеребцов и 9 кобыл, еще больше лошадей удалось приобрести в Англии. Граф не постоял за ценой, но стремился забрать лучшее. Потянулись долгие годы селекционных работ, поскольку Алексей поставил целью вывести совершенно новую породу рысистой

лошади, годную для природных условий России. По мысли Орлова, быстроту и благородство внешнего вида арабского скакуна необходимо было соединить с выносливостью и статью фрисландских рысаков. Граф выписал для своего завода специалистов из Германии и Англии. Они занялись обучением русских конюхов, превращая их в классных тренеров и жокеев.

Селекция новой породы заняла в жизни Алексея Григорьевича то место, которое некогда отводилось службе. Это не было развлечением скучающего отставного вельможи, но настоящим делом, которое могло принести не меньшую пользу, чем военный рейд в Архипелаг. С 1785 г. граф завел в Москве публичные скачки на призы. Бега завораживали зрителей, изысканная красота лошадей, выведением которых занимался Орлов, не могла не восхищать, щедрость призов, раздаваемых графом, даже если победу одерживали не его лошади, заставляла говорить о нем, как о человеке справедливом и бескорыстно увлеченном своим делом. Словом, Алексею удалось купить сердца москвичей. Но это было еще не все.

Для возвращения в большую политику Алексей нуждался в поддержке реальной силы, он должен был войти в ряды московской оппозиции правительству и из общего любимца превратиться в признанного руководителя общественного мнения Первопрестольной.

Между тем именно в это время по возрождающейся репутации Орловых был нанесен мощный удар. И не врагом или политическим соперником, а самим Григорием Григорьевичем, который в феврале 1777 г. женился на собственной двоюродной сестре Е. Н. Зиновьевой. Браки в такой степени родства считались кровосмесительными и отвергались церковью. Венчание Г. Г. Орлова вызвало скандал в Петербурге и бурю возмущения московского общества. На заседании Государственного Совета было решено расторгнуть брак и обоих постричь в монастырь. Екатерина II отказалась подписать решение Совета, пожаловала Зиновьеву статс-дамой и послала к ней ленту св. Екатерины. Петербургское общество вынуждено было замолчать. Чего нельзя сказать о московском. Когда покинувшие столицу молодые по пути в деревню проезжали Москву, толпы возмущенных горожан бросали вслед их карете камни и грязь.

А что же братья? Они не приняли брака Григория Григорьевича. Впервые знаменитая дружба Орловых, вошедшая в поговорку, дала трещину. На свадебном торжестве в деревне 5 июля 1777 г. никто из четверых не присутствовал. (Показательно, что в истории со свадьбой Григория Алексей остался на стороне традиционно мыслящих кругов московского дворянства. Он уже

приобрел в этом обществе заметное место и не намерен был подвергать себя новой волне осуждения, поддерживая брата). Поступок Григория бросил тень и на остальную семью. Споры и сплетни не утихали в старой столице, поэтому в 1780 г. Алексей предпочел совершить недолгий вояж по немецким землям.

Эта поездка стала для Орлова еще одной попыткой вернуться к политической деятельности. В 1780 г. происходит сближение между Петербургом и Веной и намечается заключение союзного договора. Инициатором такого альянса был Потемкин. Противниками союза с Австрией выступили не только приверженцы прусской партии Панина, но и такие крупные государственные деятели, такие как П. А. Румянцев и А. Г. Орлов, которые низко оценивали военные возможности «цесарцев». Впервые Алексей оказался заодно со своими злейшими врагами — Паниными. Его «частная» заграничная поездка, встречи и консультации с прусскими дипломатами были направленны против сближения России и Австрии.

Миссия Орлова не принесла успеха. Несмотря на серьезное противоборство, союз между Екатериной II и Иосифом II состоялся. Однако поездка имела другое, более важное для жизни Алексея значение. Граф стал задумываться о необходимости завести собственную семью. Ему было уже 45 лет, несметные богатства, могли обеспечить безбедное существование целой когорте маленьких «орлят». Но сама мысль о браке долгие годы была ему противна после знаменитой истории с похищением Таракановой, которую Алексей завлек на корабль именно под предлогом венчания.

Сказать, что у Орлова совсем не было семьи, было бы не правдой. В Москву он привез своего «воспитанника» Александра, которого многие среди публики считали ребенком несчастной княжны Таракановой. Алексей Григорьевич не знал, что его пленница умерла от чахотки в Петропавловской крепости через два месяца после прибытия в Россию. Смутные московские слухи донесли до него известие, что примерно в то же время, когда он вез самозванку в Петербург, из северной столицы в Москву тайно прибыла женщина, постригшаяся в Ивановском монастыре под именем инокини Досифеи. Она приняла строгий обет молчания, ее почти никто не видел, содержалась необычная монахиня самым лучшим образом, ей привозили много книг, но общаться Досифея могла лишь со своим духовником и настоятельницей. Неудивительно, что Алексей увидел в этой затворнице обманутую им жертву и, по одной из московских легенд, старался никогда не проезжать мимо стен Ивановского монастыря.

Семейные предания рода Разумовских говорят, что Досифея

была дочерью императрицы Елизаветы и Алексея Григорьевича Разумовского, до того тихо проживавшей в одном из поместий на Украине и не помышлявшей о короне. Ее спешно привезли в Петербург, и после долгой беседы с глазу на глаз с Екатериной II она приняла решение постричься в монахини, чтоб ее имя не стало причиной новых возмущений в России. Достоверно из всей этой таинственной истории известен только один факт: когда в 1810 г. Досифея скончалась, на ее похороны собралось все многочисленное семейство Разумовских.

Время постепенно тушило самые неприятные слухи вокруг имени Алексея. Наконец, в 1782 г. он решился. Граф посватался к Евдокии Николаевне Лопухиной, одной из самых красивых и богатых невест Москвы, которой шел 21 год и… получил согласие. Тот факт, что представители старинного дворянского семейства, находившиеся в родстве с императорской фамилией, согласились выдать одну из девиц Лопухиных за незнатного, хотя и очень богатого Алексея, показывает, как высоко ставили графа в московском обществе в начале 80-х гг. 6 мая 1782 г. он венчался в своем подмосковном селе Острове с Лопухиной. На свадьбу была приглашена вся знать старой столицы. Евдокия Николаевна, по свидетельствам современников, отличалась добродушным и приветливым нравом и была очень набожна.

Алексей, в отличие от своего брата Григория, вовсе не слыл волокитой и сердцеедом, хотя всегда нравился женщинам. Судя по его портретам, он не был красив лицом, но стать, удаль и необыкновенное обаяние делали Алексея Григорьевича неотразимым. Только через три года у Орловых родилась дочь Анна. «Я не считаю его особенно способным воспитывать девочек, — писала по этому поводу Екатерина II доктору Циммерману, — поэтому желала ему сына». Императрица ошибалась. Трудно себе представить, что в этом хладнокровном, порой жестоком человеке найдется столько нежности и ласки для маленького беззащитного существа, вскоре оставшегося без матери. В августе следующего 1786 г. после тяжелых вторых родов умерла Евдокия Николаевна. Память маленькой Нинушки, как Алексей называл дочь, не сохранила образа матери, но в доме ее имя было овеяно таким почитанием, что, повзрослев, Анна Алексеевна всегда подчеркивала свое особое расположение к материнской родне.

Летом 1787 г. началась вторая русско-турецкая война, и перед овдовевшим Алексеем вновь замаячил призрак возвращения к государственным делам. В Москве его ничто не удерживало, кроме грустных воспоминаний. Императрица звала графа в столицу, т. к. намеревалась назначить командующим

формируемой на Балтике новой эскадры, которая, по мысли Екатерины, должна была повторить рейд в Архипелаг. И тут интересы самого Орлова пришли в столкновение с интересами московских оппозиционных кругов, поддержки которых он так долго добивался. В Москве новая война на юге была крайне непопулярной, присоединение Крыма в 1783 г. тоже не вызвало здесь восторга. Один из самых ярких вождей правой дворянской оппозиции правительству князь М. М. Щербатов в своем выступлении в Дворянском собрании Москвы открыто обвинил императрицу и Потемкина в разжигании конфликта с Турцией. Деньги, потраченные на освоение новых южных земель, строительство там городов и создание флота назывались выброшенными на ветер. Ту же мысль высказывал и Алексей, забывая, что прежде, когда власть находилась у него в руках, он был самым твердым сторонником активной внешней политики России именно на юге и составлял проекты, касавшиеся возмущения греческого населения турецких владений и захвата Константинополя.

В конце 80-х гг. Щербатов и Орлов стали союзниками, о чем говорит знаменитый памфлет князя «О повреждении нравов в России». Памфлет этот не издавался на родине более ста лет, но в списках начал ходить по рукам сразу после написания. Орловы оказались единственными фаворитами Екатерины II, на головы которых автор не метал громы и молнии. Напротив, Щербатов заявлял, что при них «дела довольно порядочно шли».

И вот теперь Екатерина II вновь звала Алексея в столицу, намереваясь доверить командование флотом. Соблазн был велик. Граф заколебался, он не хотел потерять поддержку московской оппозиции, но и вернуться к делам тоже не терпелось. В ноябре 1787 г. Орлов приехал в столицу сам. Здесь Алексей повел себя очень двойственно: соглашался вернуться на службу при условии получения фельдмаршальского чина. Тогда он бы мог управлять флотом, не имея над собой прямого начальника, кроме императрицы. Условие невыполнимое, ибо эскадра направлялась в помощь севастопольскому флоту под начальство Потемкина, поэтому Екатерина не могла пойти на удовлетворение просьбы графа.

Между тем Орлов выдал себя, проявив к подготовке эскадры излишнюю заинтересованность. «Граф Чесменский ездил недавно в Кронштадт для осмотра приготовляющихся к походу кораблей», — доносил на юг управляющий Потемкина в Петербурге М. А. Гарновский. В одном из январских писем нового 1788 г. Екатерина рассказывала светлейшему князю: «Графы Орловы отказались ехать во флот, а после… граф Алексей

Григорьевич сюда приезжал и весьма заботился о сем отправлении флота и его снабжении; но как они отказались от той службы, то я не рассудила за нужное входить уже во многие подробности… почитая за ненужное толковать о том с неслужащими людьми». В словах императрицы слышится обида, она как бы отгородилась от дельных советов Алексея Григорьевича глухой стеной, решив, что он в трудный для страны момент занят личными амбициями. Алексей сам загнал себя в угол и, поняв это рассердился еще больше. «Просил паспорт ехать за границу к водам, — заканчивает рассказ Екатерина, — но, не взяв оный, уехал к Москве». Последний поступок Алексея говорил о неуравновешенном состоянии, в котором он пребывал в эти дни.

Какие чувства теперь вызывала у него старая столица? Ради того, чтоб не раздражать ее дворянское общество, он десять лет назад отвернулся от брата. Ради поддержки ее оппозиционных кругов, отказался от политических идей молодости. И что же? Григорий умер в 1783 г. Надежда вернуться в большую политику оказалась иллюзорной. Вскоре он показал обществу Первопрестольной, насколько в действительности невысоко ценит его мнение.

Среди многочисленной и разветвленной московской родни Орловых было и семейство калужского губернского прокурора князя Семена Семеновича Львова. Знаменитый герой Чесмы познакомился с начавшими выезжать дочерьми князя в середине 1780-х гг. Алексей обратил внимание на Марью Семеновну. Настойчивые ухаживания пожилого кавалера вызвали серьезные опасения родителей девушки, поспешивших подыскать ей более подходящую партию. Княжна Львова стала женой Петра Алексеевича Бахметева, состоятельного вдовца с сыном на руках. По отзыву известной московской мемуаристки Е. П. Яньковой, Бахметев был человеком «предерзким и пренеобтесанным… одним словом, старым любезником».

Брак не удался, муж был жесток со второй супругой. Воспоминания современников рисуют Марию Семеновну как натуру эмоциональную, увлекающуюся, своенравную и самолюбивую. Могла ли она сносить унижения от мужа? В XVIII в. развод для представителей благородного сословия был делом куда более обычным, чем в XIX в., однако супруги чаще предпочитали не расторгать брак, а «разъезжаться», т. е. жить в разных домах и вести себя как свободные люди. И развод, и разъезд были возможны лишь с согласия супруга. В противном случае муж мог требовать возвращения жены домой. Мария Семеновна покинула мужа и скрылась под покровительство

Орлова. Вся Москва три года с интересом наблюдала за романом шестидесятилетнего отставного вельможи с дамой на 30 лет моложе его. Следовало ожидать, что открытое сожительство графа Чесменского с любовницей не вызовет одобрения в Москве. Однако дело обернулось иначе. Среди русской переписки и мемуаров конца XVIII в. мы не найдем ни одного слова осуждения по поводу действий Алексея. Любовь к графу в Москве была так велика, что любое его действие только прибавляло ему популярности.

Бездетная Бахметева привязалась к Нинушке, и между ними установилась очень теплая дружба, Анна Алексеевна именовала Марью Семеновну «голубушкой-сестрицей». Впрочем семейное счастье Алексея нельзя назвать идиллическим. Марья Семеновна не умела сидеть без работы, вокруг нее все закручивалось в вихре новых начинаний, она шила, разводила коров, переписывалась с уймой родственников. Словом, рядом с Бахметевой Алексей мог найти что угодно, только не покой. Время от времени жизнь в доме взрывалась из-за того, что граф позволил себе передвинуть швейный столик своей возлюбленной в другое место, или пытался предложить ей деньги для поправки ее собственных хозяйственных дел. Финансово она считала себя независимой от своего покровителя, была на редкость щепетильна и не терпела даже разговоров о помощи с его стороны.

Но всему приходит конец. Пришел он и веселому существованию Орлова в Первопрестольной. Осенью 1796 г. Алексей Григорьевич поехал в Петербург для получения заграничного паспорта, т. к. собирался отправиться на лечение в теплые края, но в столице узнал о кончине Екатерины II. Новый государь Павел I приказал перенести тело свергнутого Петра III из Александро-Невского монастыря в Петропавловский собор, где покоился прах всех императоров, нести корону перед гробом несчастного монарха было приказано Алексею Орлову, как убийце последнего. Павел в этом не сомневался. Известны его слова, брошенные Орлову: «Бери и неси!» Алексей с каменным лицом исполнил приказание Павла.

Очевидец этих событий секретарь саксонского посольства Гельбиг пишет об Алексее Григорьевиче: «Один из первых чинов при императорском дворе… он должен был сделать пешком трудный переход и на всем этом пути был предметом любопытства, язвительных улыбок и утонченной мести!» Больше 30 лет Алексей Григорьевич старался смыть с себя позорное клеймо ропшинской трагедии, теперь император вновь превращал его в «Меченого».

После помпезных «торжеств» перезахоронения Орлов получил

приказание покинуть Россию. Он взял с собой дочь, а вскоре к изгнанникам присоединилась и Марья Семеновна, которой перед этим часто писала Анна Алексеевна, прося приехать и поддержать их с отцом. За границей Бахметеву принимали как «графиню Орлову», чета путешественников не стремилась развеять это заблуждение. В Дрездене, Лейпциге, Карлсбаде для знаменитого сподвижника Екатерины II устраивали великолепные праздники. Орлов был чрезвычайно популярен. Возвращения домой не предвиделось, и многие немецкие друзья стали советовать графу навсегда поселиться за границей. «Если б так поступить, то лутче дневного света не видать», — с тоской писал Алексей родным в Россию.

В 1801 г. после убийства Павла I и вступления на престол Александра I, Орлов получил возможность вернуться в Россию. Граф участвовал в коронационных торжествах, бывал на официальных званых обедах в Кремлевском дворце, новый император благоволил к сподвижникам своей бабки.

Известный московский мемуарист начала XIX в. профессор Московского университета П. И. Страхов оставил зарисовку появления Орлова на улицах Москвы: «И вот молва в полголоса бежит с губ на губы: „едет, едет, изволит ехать“. Все головы оборачиваются в сторону к дому графа Алексея Григорьевича. Множество любопытных зрителей всякого звания и лет разом скидают шапки долой с голов… Какой рост, какая вельможная осанка, какой важный и благородный и вместе добрый и приветливый взгляд!» «Неограничено было к нему уважение всех сословий Москвы, — подчеркивает другой мемуарист С. П. Жихарев, — и это общее уважение было данью не сану богатого вельможи, но личным его качествам». Доступный, радушный, обустраивавший все вокруг себя на русский лад, граф импонировал москвичам своей национальной колоритностью. Он, как никто другой, отвечал представлениям того времени о поведении вельможи в обществе.

Шли годы. Алексей Григорьевич все больше болел ногами, но продолжал выезжать на скачки, время от времени случались ссоры с Марьей Семеновной, они были привычны, как изменение погоды за окном. Подросла Анна, и отец все пристальнее приглядывался к вьющимся около самой богатой невесты России женихам. Но Алексею так и не суждено было устроить судьбу дочери. 24 декабря 1807 г. в рождественский сочельник Орлов скончался. Говорили, что уходил граф тяжело, громко стонал и каялся, так что было приказано играть домашнему оркестру, заглушая крики умирающего. Провожать тело Алексея собралась вся Москва, несколько тысяч человек с открытыми головами

встретили вынос гроба. Похоронили героя Чесмы в подмосковном имении Отрада, рядом с тремя братьями в фамильной усыпальнице. Это место граф еще при жизни выбрал сам.

Страдания отца перед смертью произвели страшное впечатление на Анну Алексеевну. По православной традиции, такая тяжелая кончина постигает нераскаянных грешников. Дочь боготворила Алексея Григорьевича, она была религиозным человеком. Анна Алексеевна нашла себе духовного наставника в лице архимандрита Фотия, настоятеля новгородского Юрьева монастыря. Благодаря пожертвованиям графини, этот монастырь приобрел свое богатство и значение. Анна перевезла туда прах отца и двух его братьев — Григория и Федора — участвовавших в заговоре. Сама вела при этой обители аскетический, почти монашеский образ жизни. В свете графиню жалели, над ней смеялись, считали обманутой, экзальтированной, несчастной, но она продолжила свой путь, справедливо полагая, что такая душа, как душа ее отца заслуживает спасения.

Глава IV
Кавалерственная дама

Когда черная чугунная решетка Нескучного сада остается за спиной, а желтое величественное здание Александровского дворца вырастает за гладью круглого фонтана, невольно задумываешься о том, с какой сказочной роскошью и поистине великосветским достоинством должен был доживать здесь свой век знаменитый герой Чесмы. Ныне этот особняк принадлежит Президиуму Российской Академии Наук. Не самая плохая судьба для памятника прошлого, не правда ли?

Его внутреннее убранство украшает парадный портрет Екатерины Романовны Дашковой — первой (и заметим: последней) женщины директора Российской Академии Наук. Какие неожиданные шутки порой играет судьба с людьми уже после их смерти. Орлов и Дашкова при жизни ненавидели друг друга, и Екатерина Романовна утверждала, будто не может дышать с Алексеем Григорьевичем одним воздухом, а он в свою очередь в течение двадцати лет не сказал ей ни единого слова. Правда в глубокой старости оба по православному обычаю примирились. На дворе стояла другая эпоха, им нечего было больше делить, но это не значило, что, если б время вдруг повернуло вспять, и они вновь очутились при дворе Екатерины II, их противостояние не повторилось бы с новой силой. Зная характеры наших героев, можем сказать, что каждый прошел бы свой путь так, как он его прошел. И в том, что двести лет спустя великолепный портрет Дашковой едва ли не по-хозяйски смотрит со стены дома Алексея Орлова, сквозит ирония времени.

Об этой картине следует сказать еще несколько слов. Несмотря на то, что перед нами помпезный парадный портрет, сверкающий дорогими тканями и игрой света на драгоценных мехах, лицо самой кавалерственной дамы как бы лишено обычной для подобного рода портретов светской лакировки. Тяжелые нависающие веки, пронзительный колючий взгляд небольших глаз, раздраженная складка губ. Куда бы вы не повернулись, Екатерина Романовна смотрит на вас, смотрит оценивающе, без симпатии. Специалисты по иконографии Дашковой утверждают, что перед нами один из наиболее достоверных портретов знаменитой женщины.

В трудной жизни Дашковой, полной перипетий и взлетов, многое связано с Москвой. Старая столица принимала ее в годы опал и немилости. В самом характере Дашковой, властном,

деятельном, порой деспотичном, так много московского, что при чтении истории ее жизни в голове невольно всплывают известные грибоедовские строки из «Горя от ума», описывающие московских дам: «Скомандовать велите перед фрунтом, // Присутствовать пошлите их в Сенат».

А ведь по происхождению и воспитанию Дашкова вовсе не принадлежала к кругу московской знати. Она родилась в 1743 г. в Петербурге, в семье графа Романа Илларионовича Воронцова, генерал-поручика, сенатора, одного из крупнейших русских масонов того времени. Екатерина Романовна выросла в доме своего дяди Михаила Илларионовича Воронцова — вице-канцлера, а с 1758 г. канцлера Елизаветы Петровны. С Москвой Екатерина Романовна связал, брак с молодым представителем старинного московского княжеского рода Михаилом Ивановичем Дашковым. После замужества молодая княгиня попала в новый для нее семейный московский клан, группировавшийся вокруг воспитателя великого князя Н. И. Панина. Дашков был его родным племянником и продвигался по службе под протекцией дяди.

Перед Екатериной Романовной открылся мир не только чужой, но и совершенно чуждый ей. Воспитание бывшей графини Воронцовой строилось на европейский манер. Русскому языку детей не учили. Жизнь в Петербурге резко отличалась от московского быта. Не малую роль в формировании вкусов и пристрастий Дашковой сыграли англофильские настроения, царившие в доме канцлера. Англофилия — любовь к Туманному Альбиону — стала в России XVIII столетия заметной культурной тенденцией, принявшей форму восхищения фундаментальными законами и общественным устройством Англии. Юная Дашкова разделяла эти взгляды, уже после переворота 1762 г., она говорила английскому послу графу Джону Бакингемширу: «Почему моя дурная судьба поместила меня в эту огромную тюрьму? Почему я принуждена унижаться в этой толпе льстецов, равно угодливых и лживых? Почему я не рождена англичанкой? Я обожаю свободу и пылкость этой нации». Мы приводим эту цитату для того, чтоб показать, что к середине XVIII в. в сознании русского образованного общества уже сложился один из важнейших стереотипов восприятия России.

С такими представлениями Дашкова очутилась в Москве — городе, нарочито бравировавшем своей русскостью. Внешне старая столица уже давно перенимала европейские формы быта: одежда, книги, новые здания — многое напоминало картины родного Петербурга, но было одно глубокое отличие, сразу ставившее Екатерину Романовну в положение чужой. В

московском дворянском обществе продолжали говорить по-русски. «Передо мной открылся новый мир, новая жизнь, которая меня пугала, тем более, что она ни чем не походила на все то, к чему я привыкла. — вспоминала Дашкова много лет спустя в своих „Записках“. — Меня смущало и то обстоятельство, что я довольно плохо изъяснялась по-русски, а моя свекровь не знала ни одного иностранного языка». Новая родня, по словам Дашковой, относилась к ней «очень снисходительно», «но я все-таки чувствовала, — продолжает княгиня, — что они желали бы видеть во мне москвичку и считали меня почти чужестранкой».

Здесь мы встречаемся с интересным феноменом русского сознания. Лингвисты и психологи давно заметили, что в России главным признаком определения национальной принадлежности является язык. Поэтому современники, общаясь с Екатериной II, прекрасно говорившей и писавшей по-русски, забывали о ее немецком происхождении; а «природную», как тогда выражались, русскую княгиню Дашкову, не знавшую родного языка, воспринимали как иностранку. «Я решила заняться русским языком, и вскоре сделала большие успехи, вызвавшие единодушное одобрение со стороны моих почтенных родных», — с гордостью сообщала в мемуарах Дашкова. Одним из главных трудов Екатерины Романовны в должности директора Российской Академии Наук было составление знаменитого «Словаря Академии Наук», первого русского толкового словаря, которым восхищался А. С. Пушкин. Едва ли этой грандиозной работой «мадам директор» смогла бы так успешно руководить, если б в юности судьба не забросила ее в Москву и не заставила испытать муки немоты и глухоты иностранца в чужой стране.

Прожив в старой столице два года после свадьбы, в 1761 г. Дашковы возвращаются ко двору в Петербург. Теперь в Москву Екатерина Романовна вернется только после переворота, прославившего ее имя. В заговоре Дашкова действовала не одна, а со всем «московским» кланом Паниных, который, по понятиям того времени, и был ее новой семьей, уже более близкой, чем Воронцовы. Каждая группировка придворной знати, объединявшаяся вокруг сильного вельможи, такого, например, как Панин, желала иметь около государя свое доверенное лицо, способное влиять на монарха. В политическом смысле Дашкова и Орлов претендовали на одно и тоже место. В том, что роль первого лица в государстве после себя Екатерина II отдала не ей, княгиня видела предательство императрицы.

И вот внутренне уязвленная Екатерина Романовна вновь очутилась в Москве, теперь уже в составе пышной коронационной процессии на великолепном торжестве по случаю восшествия

Екатерины II на престол. Как же выглядела в это время Дашкова? Первый словесный портрет княгини был составлен примерно тогда же прибывшим в Москву новым английским послом в России графом Джоном Бакингемширом. «Княгиня д'Ашков, леди, чье имя, как она считает, будет, бесспорно, отмечено в истории, обладает замечательно хорошей фигурой и прекрасно подает себя. — сообщает в дипломат в Лондон. — В те краткие моменты, когда ее пылкие страсти спят, выражение ее лица приятно, а манеры таковы, что вызывают чувства, ей самой едва ли известные… Ее идеи невыразимо жестоки и дерзки, первая привела бы с помощью самых ужасных средств к освобождению человечества, а следующая превратила бы всех в ее рабов».

Княгиня подробно рассказывает в «Записках», как во время коронации ей пришлось стоять в задних рядах, соответственно скромному чину ее супруга. Подчеркивая немилостивое обращение с собой, Дашкова лишь в одном месте случайно проговаривается. Оказывается, всю дорогу от Петербурга до Москвы она ехала с императрицей в одной карете, а такого недвусмысленного знака расположения могли удостоиться только самые близкие к государыне люди. В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» есть примечательное рассуждение об официальной и «невидимой» субординации. Князь Андрей видит, как в кабинет пропускают молодого офицера, в то время как пожилой заслуженный генерал продолжает сидеть под дверью. В случае с Дашковой происходила похожая вещь. На коронационных торжествах она, согласно жесткому придворному этикету, не имела права стоять ни ближе, ни дальше по отношению к императрице, чем это определяли чины ее супруга — полковника. Но реальное место того или иного придворного, степень его влияния на государя определялась именно «невидимой» субординацией.

Напряжение между Екатериной II и Дашковой проявлялось все заметнее. В Москве впервые наметилась грань разрыва. В самый разгар слухов о возможности совершения брака между императрицей и Г. Г. Орловым вспыхивает так называемое дело Хитрово, связанное с именем Дашковой. Несколько гвардейских офицеров, участвовавших в перевороте и недовольных полученными наградами, предприняли попытку отстранить партию Орловых от власти. Склоняя гвардейцев на свою сторону, камер-юнкер Ф. А. Хитрово ссылался на поддержку таких влиятельных лиц как Н. И. Панин, генерал-прокурор Сената А. И. Глебов и Е. Р. Дашкова.

В процессе дознания Хитрово продолжал ссылаться на Дашкову. Оба брата Паниных, немедленно приехали в дом своего

племянника и заперлись с Михаилом Ивановичем в отдельной комнате, чтоб обсудить создавшуюся ситуацию. Сама княгиня до совещания допущена не была. 12 мая она родила сына Павла и лежала в постели, поправляясь после родов. Екатерина Романовна испытывала муки Тантала, не имея возможности услышать, о чем говорят Панины с ее мужем за стеной, в соседних покоях. Утром того же дня приехал статс-секретарь Екатерины Г. Н. Теплов с письмом императрицы, но не к Дашковой, а к ее мужу. Михаила Ивановича просили частным образом повлиять на жену. «Я искренне желаю не быть в необходимости предать забвению услуги княгини Дашковой за ее неосторожное поведение. Напомните ей это, когда она снова позволит себе нескромную свободу языка, доходящую до угроз», — писала императрица.

Во время путешествия Екатерины Романовны за границу Дени Дидро записал слова княгини о том, что после дела Хитрово только болезнь избавила ее от ареста. В «Записках» об этом нет ни слова. Однако есть живая картина страданий Дашковой в часы ожидания действий императрицы, совершенно непонятная, если принять версию мемуаров о непричастности Екатерины Романовны к делу. Страх, испытанный молодой женщиной, еще не оправившейся после родов, привел к нервному срыву. «Я почувствовала сильные внутренние боли и судороги в руке и ноге», — пишет она. После припадка, сопровождавшегося частичным параличом конечностей, княгиня выздоравливала очень долго. О Хитрово Екатерина Романовна сообщает, что он был сослан в Сибирь. Это не так, княгиня со свойственной ей горячностью сгущает краски. Хитрово отправили в родовое имение, а двое его товарищей просто были уволены со службы.

Вскоре двор отбыл в Петербург, а Дашкова вынуждена была остаться в Москве под благовидным предлогом «поправления здоровья». Это была первая кратковременная опала княгини. «Чистый воздух, холодные ванны и правильная жизнь благотворно повлияли на мое здоровье. В декабре я, хотя еще и не совсем окрепши, уехала в Петербург», — сообщала княгиня в мемуарах. Вновь в Москву Дашкова вернулась только через два года и опять опальной. На этот раз ее имя оказалось замешано в деле подпоручика В. Я. Мировича, предпринявшего неудачную попытку освободить из Шлиссельбургской крепости свергнутого Елизаветой Петровной императора Ивана Антоновича. О роли Дашковой в деле Мировича английский посол Бакингемшир информировал свое правительство в июльских донесениях 1764 г.: «Княгиню Дашкову видели в мужской одежде среди гвардейцев, но за ее шагами внимательно следят, и ей скоро придется отправиться в Москву. Разочарованное тщеславие и

неугомонная амбиция этой молодой леди, кажется, каким-то образом повлияли на ее чувства; если бы она удовлетворилась скромной долей авторитета, то могла бы оставаться до сего времени первой фавориткой императрицы».

Пока тянулось расследование связей Мировича в вельможной среде, к Дашковой пришло страшное известие. Ее муж, посланный с русскими войсками в Польшу, способствовать вступлению на престол короля Станислава-Августа Понятовского, скончался. Нервы Екатерины Романовны, и без того натянутые как струна, не выдержали. «Левая рука и нога… совершенно отказались служить и висели, как колодки… я пятнадцать дней находилась между жизнью и смертью» — писала Дашкова.

Горе оглушило княгиню. Ее семейная жизнь не была гладкой: измученный домашним деспотизмом супруг случалось изменял Екатерине Романовне, она ревновала его к императрице. Много лет спустя на одном из московских балов дочь Дашковой Анастасия Щербинина говорила А. С. Пушкину, что ее отец был влюблен в Екатерину II. На многие выходки Дашковой императрица закрывала глаза из-за дружеского расположения к князю. Больше этой защиты не было.

За Михаилом Ивановичем числились очень крупные долги. Дашкова обладала самыми богатыми родственниками в России. Следовало ожидать, что они не оставят княгиню в несчастье. Но, судя по «Запискам», вышло иначе. Панины, которым Михаил Иванович перед смертью поручил опеку над женой и детьми, по службе, не могли заниматься ее имениями и уговорили княгиню саму войти в роль третьего опекуна, т. е. вся тяжесть управления хозяйством легла на плечи неопытной в этом отношении женщины. Воронцовы отвернулись от Екатерины Романовны еще со времен переворота. В старой столице опальную княгиню с детьми ждала крупная неприятность. Ее свекровь, еще недавно благосклонно настроенная к невестке, теперь показала Екатерине Романовне, что такое старомосковские порядки. Она по своему усмотрению распорядилась недвижимостью, и подарила свой московский дом внучке Глебовой, а сама перебралась в монастырь. Оказалось, что Дашковой просто негде жить в Москве, и она приказала везти себя в Троицкое. Почему ни один из московских родственников ее мужа не захотел приютить у себя в доме молодую вдову с двумя маленькими детьми? В «Записках» Екатерина Романовна об этом не пишет, но ситуация и без того выглядит достаточно прозрачно. На княгине лежала печать царской немилости, и родные просто побоялись сближаться с заподозренной в заговоре особой.

В подмосковном имении Троицком для Дашковой началась

совсем новая жизнь. Она сама должна была стать управителем имений и строго следить за выплатой долгов покойного супруга. Впервые Екатерине Романовне пришлось самой иметь дело с крепостными. Известный издатель прошлого века М. И. Семевский справедливо замечал, что, когда речь идет об историческом деятеле XVIII в., нелишне знать, как он относился к своим крестьянам. Екатерина Романовна оказалась суровой помещицей, ее крестьяне часто бунтовали. Взгляды Дашковой на крепостное право вскрылись в ее диалогах с Д. Дидро во время путешествия во Францию. Исчерпав все доводы в пользу освобождения крестьян только после их просвещения, она восклицает:

«Если б самодержец, разбивая несколько звеньев, связывающих крестьянина с помещиком, одновременно разбил бы звенья, приковывающие помещика к воле самодержавных государей, я с радостью и хоть бы своей кровью подписалась бы под этой мерой». Читая эти пламенные строки, надо знать, что цепь, сковывавшая императора и дворян, была разорвана к тому времени уже около десяти лет манифестом Петра III «О вольности дворянства» 1762 г. Об этом в разговоре с философом владелица большого состояния умолчала. Ее крестьяне нередко ударялись в бега целыми деревнями, спасаясь от непосильных оброков. В «Записках» же создается впечатление, что Екатерине Романовне удалось поправить свое имущественное положение исключительно благодаря строжайшей экономии.

О моральном состоянии Дашковой в годы ее первой серьезной опалы свидетельствует переписка княгини с братом Александром Романовичем Воронцовым, чрезвычайным и полномочным министром России в Голландии, единственным родственником Екатерины Романовны, который продолжал тогда поддерживать с ней отношения. В мае 1766 г. Александр Романович намеревался вернуться в Россию, чтоб продолжить службу в коллегии иностранных дел. Дашкова в самых горячих выражениях отговаривала его. «Не одобряю Ваше желание, — писала она. — Имея какой угодно ум и способности, тут ничего нельзя сделать, т. к. здесь нельзя ни давать советы, ни проводить систему: все делается волею императрицы — и переваривается господином Паниным… Маска сброшена… никакая благопристойность, никакие обязательства больше не признаются».

Важная для русского либерального сознания тема о том, что в России «ничего нельзя сделать» — одна из самых ярких в переписке семейства Воронцовых. А ведь на годы изгнания Дашковой приходятся такие серьезные государственные

мероприятия как секуляризация церковных земель, освободившая от крепостной зависимости два миллиона крестьян, напряженное законодательное творчество Екатерины II, подготовка Уложенной Комиссии. Но Екатерина Романовна как бы не замечает этих событий, поскольку при их подготовке ни ее советами, ни ее «системой» не воспользовались.

Опала не могла продолжаться до бесконечности. Княгиня в письмах несколько раз просила императрицу отпустить ее с детьми за границу. Но ее послания оставались без ответа. В 1769 г. разрешение было получено. «Наконец я уехала», — радостно восклицает княгиня. При чтении страниц мемуаров Дашковой, посвященных ее попыткам вырваться из Москвы, невольно вспоминаются слезные немецкие письма Алексея Орлова о том, что лучше уж совсем перестать видеть солнце, чем остаться в Германии навсегда. Перед нами две противоположных друг другу культурные традиции, выразителями которых в конце XVIII в. были Дашкова и Орлов.

После двух лет путешествий, Дашкова полная новых впечатлений возвращается в Россию. В Петербурге ее ждал неожиданно теплый прием. Екатерина II подарила ей сначала 10 тысяч, а затем 60 тысяч рублей, княгиня была радушно встречена при дворе. Время могущества Орловых окончилось, партия Панина нанесла им сокрушительное поражение. Теперь вокруг трона плотным кольцом стояли люди из клана Никиты Ивановича, и пожалования как из рога изобилия сыпались на них. Дашкова попала под общий золотой дождь, но в душе так и не примирилась. Вскоре в руках императрицы оказались материалы заговора Панина в пользу Павла Петровича 1773 г., о которых мы подробнее рассказывали в главе «Русский диктатор». Среди заговорщиков была и Екатерина Романовна. Едва вступив на родную землю, она немедленно угодила в новый «комплот».

И вот Дашкова вновь отправляется в Москву, в очередную опалу. Она уже очень богата, и далеко не так одинока как в свое первое московское изгнание — ее дядя Петр Иванович тоже живет в старой столице. Княгиня держится очень по-барски, осознавая себя частью сильной оппозиции. Живя в Троицком, княгиня считает долгом часто появляться в Москве, устраивает имущественные дела своих детей, каждые две недели навещает свекровь. Теперь уже никто из родных ее покойного мужа не осмелился бы закрыть перед княгиней дверь своего дома, хотя за Дашковой тянулся шлейф серьезных подозрений.

Она активно участвует и в общественной жизни старой столицы, которой тогда постепенно начинали руководить московские масонские братства. В России не привились женские

ложи, но, принадлежа к двум семьям посвященных — Воронцовым и Паниным, Екатерина Романовна не была чужой в среде братства. Ее привлекают к основанию научного общества при Московском университете — Вольного Российского собрания. Дашкова становится действительным членом этого общества, печатает в его журнале «Опыты трудов Вольного Российского собрания» статьи об общественном устройстве, долге общества перед его членами и о воспитании, проникнутые духом масонской этики. Нравственное стремление воспитать совершенного человека, избавленного от пороков окружающего мира — одна из центральных идей философии Просвещения и морали вольных каменщиков — остро интересовала Екатерину Романовну в эти годы. Она, по словам ее брата Семена Романовича Воронцова, тоже видного масона, мечтала воспитать человека, который не будет иметь ни одного недостатка, свойственного современному поколению. Обязательным условием успеха подобного эксперимента считалась необходимость изъять ребенка из привычной среды, грязные стороны которой он не должен видеть. Постепенно Дашкова приходит к мысли о новом заграничном путешествии для образования сына.

Зимой 1775 г. императрица приехала в Москву, чтоб летом отпраздновать здесь подписание мирного договора с Турцией. Дашкова не была приглашена провести торжества вместе с Екатериной II. В «Записках» княгиня дипломатично пишет, что болезнь ее свекрови и собственные хвори помешали ей лично видеться с императрицей. Но Екатерина Романовна послала старой подруге подарок. «Я не могла лично поздравить императрицу с блестящими успехами ее оружия, но написала ей письмо по этому поводу и послала чудную картину Анжелики Кауфман, изображавшую красивую гречанку. Я намекала в письме и на себя и на освобождение греков, или, по меньшей мере, на улучшение их судьбы». Согласно придуманной княгиней аллегории, она, как и греки, ожидала от русской императрицы освобождения. Подарок был принят, и вскоре Екатерина Романовна имела честь сама просить государыню о разрешении предпринять новое заграничное путешествие, ради образования сына. Императрица холодно согласилась.

Перед отъездом Дашкова совершает шаг, бросивший глубокую тень на всю ее дальнейшую жизнь. В своем подмосковном имении Троицком, тихо и без особой огласки, она выдает дочь Анастасию Михайловну, которой тогда едва исполнилось пятнадцать лет, за состоятельного, но не слишком молодого бригадира Андрея Евдокимовича Щербинина. «Я надеялась, что он даст моей дочери тихую и мирную жизнь, —

объясняла свой выбор княгиня, — Она физически развилась неправильно и имела недостаток в строении тела, вследствие чего вряд ли могла рассчитывать, что более молодой и веселый муж станет ее любить и баловать». Желание самой Анастасии при этом учтено не было.

Стремление по своему разумению распоряжаться жизнью близких, перешагивая даже через их волю, дорого стоило княгине в будущем. Брак, как и следовало ожидать, не удался. Анастасия с годами обнаружила чисто воронцовское упрямство, а, вырвавшись из-под опеки матери, повела беспутный образ жизни, проматывала свои деньги и деньги мужа, попала под надзор полиции, потом под опеку. Устав воевать с дочерью, княгиня «отрешила» ее от наследства и запретила пускать в дом даже в случае своей смерти для прощания с телом. Биографы Дашковой часто пишут, что дочь и мать были полными противоположностями. Но обычно бок о бок не могут ужиться именно люди с одинаковым характером. Разве не авантюрная жилка в натуре самой Екатерины Романовны толкала ее от одного заговора к другому, и разве не сама княгиня находилась пол жизни под пристальным вниманием властей? Анастасия не интересовалась политикой, ее увлекали финансовые аферы. В остальном же мать и дочь на удивление походили друг на друга. Но вернемся в 1775 г. — Дашкова с семьей отправляется в новое путешествие.

На этот раз Екатерина Романовна провела за границей восемь лет, занимаясь образованием сына. Лишь в 1782 г. Дашкова вновь увидела Петербург. И снова, как и после первого путешествия, она была принята исключительно милостиво.

В начале 80 — х гг. партия Панина потерпела поражение и была отодвинута с политической арены Потемкиным и его сторонниками. Одна, без поддержки крупной придворной группировки, Дашкова не представляла для Екатерины II опасности. Теперь императрица могла рассматривать бывшую подругу не как политического противника, а как частное лицо. Настало время позабыть о болезненном честолюбии княгини и использовать ее глубокий ум.

Екатерина Романовна вступила в полосу больших перемен. Ей ни в чем не отказывали, сын был зачислен в гвардию, а затем стал адъютантом Потемкина, племянница (дочь Елизаветы Воронцовой) по особой просьбе княгини, стала фрейлиной, императрице вряд ли это было приятным. Теперь княгиня обедает во дворце, в обществе своей августейшей подруги, посещает ее малые эрмитажные собрания, в знак особого расположения государыня дарит ей свой мраморный бюст, оплачивает долги,

жалует имение Круглое в Белоруссии, две с половиной тысячи крестьян, приобретает дом в Петербурге, меблирует дом в Москве. Взамен императрица потребует от Дашковой одного — взяться за тяжелую и хлопотную работу по управлению Петербургской Академией наук и Российской академией. Княгиня дала согласие.

Началось интересное и богатое на результаты «дашковское» десятилетие. С головой погрузившись в новую для себя деятельность академии, княгиня, казалось, совсем забыла о Москве. Однако удержаться при дворе без поддержки какой-нибудь влиятельной группировки было невозможно и вскоре княгиня примкнула к новой оппозиции, складывавшейся вокруг ее брата, президента Коммерц коллегии А. Р. Воронцова. Новое охлаждение было неминуемо. Поводом для очередной опалы послужила издание Дашковой в академимческом альманахе «Российский феатр» трагедии Княжнина «Вадим Новгородский». Пьеса была посвящена новгородскому восстанию против Рюрика, действие кончалось «торжеством добродетельного монарха», но нравственный пафос произведения заключался в трагической гибели защитника гражданских свобод и независимости Новгорода. Между императрицей и княгиней произошел трудный разговор, после которого Дашкова испросила отпуск на год и немедленно получила его.

Старая столица встретила ее приветливо. Душевную радость ей доставляли дружеские отношения с братом Александром Романовичем, тоже в это время отбывавшим опалу в Москве и подмосковных имениях из-за своего покровительства А. Н. Радищеву. Английские пристрастия Екатерины Романовны особенно проявлялись на лоне природы, где она много занималась садовым и парковым хозяйством. «Я еще больше украсила свой сад, так, что он стал для меня настоящим раем, — рассказывала княгиня в „Записках“, — и каждое дерево, каждый куст был посажен при мне и в указанном мной месте… я утверждаю, что Троицкое — одно из самых красивых имений в России и заграницей». В тот момент, когда жизнь Екатерины Романовны складывалась как нельзя спокойнее, скончалась императрица.

Когда Дашковой объявили о случившемся, родные опасались, что пожилая дама упадет в обморок. «Нет, — сказала я, — не бойтесь за мою жизнь; к несчастью, я переживу этот страшный удар; меня ожидают еще и другие горести…». В прошлом Екатерина Романовна не раз участвовала в акциях в пользу наследника Павла Петровича, надеясь на серьезные политические выгоды для себя лично, но после одиннадцати лет жизни при

дворе она ближе узнала наследника и поняла, что никакие ее дальнейшие действия не заставят цесаревича забыть о событиях 1762 г. Теперь, когда он мог сказать: «Аз есмь при дверях», — княгиня по-настоящему испугалась.

Месть Павла не заставил себя долго ждать. Сенатским указом он уволил Дашкову от всех занимаемых ею должностей. Родные советовали княгине затаиться и тихо сидеть в Троицком в надежде, что о ней не вспомнят. Но нервная нетерпеливая натура Екатерины Романовны рвалась в Москву.

Вскоре к ней прибыл курьер с сообщением воли императора: немедленно отправиться на жительство в новгородское имение сына. Теперь Екатерина Романовна ехала в ссылку. За матерью последовала только дочь, Анастасия. Биографы Екатерины Романовны, не расположенные к авантюристке и мотовке Щербининой, стараются как бы не замечать этого поступка немолодой женщины, а ведь на нее, в отличие от матери, немилость императора не пала, и Анастасия могла остаться дома. Почему же она не бросила мать? Мы уже говорили, что, не смотря на все поверхностное несходство, мать и дочь были в чем-то очень похожи, в трудную минуту Анастасия оказалась способна позабыть об обидах, которые их разделяли.

Захолустная деревня, до которой Екатерина Романовна с трудом добралась, тесный сельский дом с грубыми деревянными стенами, скудная обстановка — вот все, что теперь окружало княгиню. Заняться было решительно нечем. По приказанию Павла I, перья и бумагу у Дашковой отобрали. Что может быть хуже для пишущего человека? За окном вереницей проходили ссыльные — зрелище при нервном расстройстве пожилой женщины почти невыносимое. Однажды среди них княгиня увидела своего дальнего родственника, молодого офицера, его бледное грязное лицо судорожно подергивалось — это было последствие пыток, которым подвергли несчастного за неосторожные слова об императоре. Впору было вспомнить о временах блаженной памяти «матушки Екатерины»: за проступок куда более серьезный Хитрово отправили в родовое имение, а его товарищей просто отставили от службы. При Екатерине II государственных преступников тоже ссылали в Сибирь, разница была в том, *что* считалось преступлением.

Мало кто из исследователей обращает внимание, что, попав в трагические обстоятельства, Дашкова не искала помощи там, где казалось бы могла на нее рассчитывать. Она ни разу не обратилась к собственному сыну, а ведь Павел Михайлович был у нового императора в большой милости. Его не блестяще складывавшаяся до сих пор карьера пережила бурный взлет, в

1798 г. он стал военным губернатором Киева, затем предводителем дворянства московской губернии. В отличие от Анастасии, Павел как будто не вспоминал о матери. Видимо, с избранной Екатериной Романовной воспитательной «системой» дела обстояли далеко не так благополучно, как ей казалось долгие годы.

Разрыв между сыном и матерью произошел еще при жизни Екатерины II. Едва вырвавшись из-под опеки Дашковой, Павел Михайлович, тогда еще молодой офицер, неожиданно женился, не сказав княгине ни слова. Его поспешные, необдуманные действия больше походили на месть, желание шокировать свою строгую мать, с самого детства неотступно контролировавшую каждый его шаг. Княгиня была действительно оскорблена, в качестве невестки ей предлагалась дочь небогатого откупщика. Биографы Дашковой, часто пишут, что Екатерина Романовна очень щепетильно относилась к своему высокому происхождению и поэтому не приняла брак сына. При этом редко вспоминается, что матерью самой Екатерины Воронцовой была вовсе не светская высокородная дама, а дочь купца Сурмина, и Дашкова не имела морального права ставить сыну в упрек совершенный им мезальянс.

Екатерине Романовне помогло заступничество императрицы Марии Федоровны и фаворитки Павла I — Екатерины Ивановны Нелидовой. Эти две женщины, порой забывая о ревности, старались вместе сдержать гнев императора и помочь опальным. Уступив их просьбам, Павел очень неохотно разрешил княгине вернуться в Троицкое и безвыездно жить там. Ссылка Екатерины Романовны кончилась после гибели Павла в 1801 г. Она снова смогла приезжать из имения в старую столицу и по долгу жить в своем великолепном каменном доме на Большой Никитской (ныне здание консерватории). Здесь хранилась ее богатейшая библиотека, которую княгиня собирала с юности. Здесь же устраивались музыкальные вечера, несмотря на возраст и нервные потрясения, княгиня сохранила голос, когда-то пленявший Дидро, и сама писала музыку. Окруженная почетом и уважением она присутствовала на коронации Александра I, получила приглашение вернуться ко двору, но предпочла остаться в Москве. Дни ее клонились к закату. Среди блеска и роскоши, которые сопровождали старость Екатерины Романовны, она ощущала себя удивительно одинокой.

О последних десяти годах жизни Дашковой известно главным образом из воспоминаний двух сестер ирландок Мэри Бредфорд и Кетрин Уильмот, гостивших у княгини. Дашкова ни в чем не изменила себе. Не примирилась с детьми, а свои нерастраченные

материнские чувства обратила на Мэри и Кетрин, нанимала им учителей, возила на балы и в небольшие путешествия, рассказывала о Москве. Ходила в мужском пальто с нашитой на него орденской звездой, в ночном белом колпаке и шейной косынке. Во всеуслышанье поправляла священника во время службы в церкви, приезжала на балы раньше всех гостей и расхаживала по залу, пока лакеи поспешно зажигали свечи…. Прежде чем вместе с ирландскими гостьями умиляться на то, что Екатерина Романовна — живая московская достопримечательность — приводила общество старой столицы в трепет — попробуйте поставить себя на место прихожан храма, где течение обряда вдруг прерывалось менторским голосом княгини; хозяев дома, которые, не успев толком одеться, должны были спешить принять столь высокопоставленную гостью и выслушивать ее недовольство по поводу того, что праздник еще не начат; гостей, явившихся, как тогда говорили, «засвидетельствовать свое почтение»(а такие визиты в те времена были обязательны), и не удостоившиеся в доме княгини стула. Тогда многое в поведении Дашковой представиться в ином свете.

Влияние Екатерины Романовны на жизнь старой столицы в первое десятилетие XIX в. часто преувеличивается. Особого страха перед ее суждениями никто не испытывал, никакой «властью в почетном уединении», как предполагал А. И. Герцен, написавший комментарий к первому изданию мемуаров Дашковой, она не обладала. Но в ней видели живой памятник эпохи, яркий осколок блестящего екатерининского времени. Это само по себе и определяло место княгини в тогдашней Москве, объясняло интерес, который она вызывала, и терпение, с каким дворянское общество относилось к ее выходкам. Несмотря на громкое имя, княгиня не стала среди московского дворянства «своей». Однако парадокс состоит в том, что и «чужой» Дашкову в Москве никто бы не назвал.

Чем была московская жизнь для самой Дашковой? Большинство русских вельмож XVIII в., возвращаясь в старую столицу, после чиновного Петербурга чувствовали себя свободнее. Екатерина Романовна полжизни провела в опалах, московское уединение всегда было для нее вынужденным, она ни разу не удалялась в него по своей воле, а лишь вуалировала явную немилость рассказами о желании «поправить здоровье» в Москве. Лучшим способом употребить время с пользой Дашкова считала длительное заграничное путешествие. Но проведя в старой столице долгие годы, Екатерина Романовна смогла проникнуться духом этого огромного города, поняла о нем нечто важное, выразившееся в ее словах: «Москва — целый мир,

обширный и многолюдный, населенный непохожими друг на друга обитателями». Именно непохожесть жителей Москвы друг на друга и спасала старую княгиню от изоляции в дворянском обществе старой столицы. Первопрестольная принимала самых разных людей. В этом пестром, многоликом мире у Дашковой была своя, далеко не последняя роль, и, когда 4 января 1810 г. старая княгиня скончалась, заполнить образовавшуюся после нее пустоту было некем.

Глава V
Красный кафтан

Стояла изматывающая жара, дорожная пыль висела в воздухе плотной завесой. Даже лошади, казалось, задыхались, что же говорить о всадниках? Знаменитая поездка императрицы в Крым 1787 г. шла к концу. Москва была уже недалеко, но свита императрицы стенала, умоляя о привале. Поэтому, когда 23 июня 1787 г., на горизонте замаячили величественные очертания Дубровиц — подмосковного имения князя Г. А. Потемкина — радостные возгласы невольно вырвались из уст даже самых выносливых спутников Екатерины II. Вскоре тенистые липовые аллеи приняли под свою сень вереницу дорожных царских карет. Легкий ветерок с р. Пахры доносил свежесть и прохладу.

Через несколько минут перед измученными путниками открылся вид белоснежного усадебного дворца, ярко выступающего на фоне изумрудной зелени парка. Хозяин усадьбы — князь Потемкин остался на юге, где начались турецкие провокации на границе. Но его дом был готов принять огромную и разноязыкую царскую свиту. У ворот маленький оркестр играл приятную музыку.

Дубровицы очень понравились Екатерине. Но еще больше они приглянулись ее молодому фавориту Александру Матвеевичу Дмитриеву-Мамонову. Изнеженного красавца, серого от усталости, почти вынесли из кареты; в тиши и прохладе мраморных сеней он очнулся, но так и не пришел в себя от восхищения. Великолепное имение с обширным французским парком, усадебным дворцом во вкусе елизаветинского времени и знаменитой своей необычной архитектурой позднего барокко Знаменской церковью пленили воображение 29-летнего вельможи.

Современники, обычно не расположенные к любимцам Северной Минервы, о Мамонове отзывались в целом довольно доброжелательно. Александр Матвеевич был скромен, хорошо воспитан и очень образован. Он принадлежал к древнему дворянскому роду, ведшему свое происхождение от Рюрика. Среди его предков были киевские, а затем смоленские князья, от одного из них — Дмитрия Александровича — отходила ветвь Дмитриевых, на службе у московских государей получившая прозвание Мамоновых. Мамоновы обладали крепкими корнями в Москве. Отец будущего фаворита Матвей Васильевич с 1763 г. был вице-президентом Вотчинной коллегии, располагавшейся в

старой столице.

Дмитриевы-Мамоновы состояли в родстве с Потемкиными, поэтому молодой человек, едва поступив на службу в гвардию, оказался адъютантом светлейшего князя. Григорий Александрович обратил внимание на образованность и ум поручика из хорошей семьи. Придворный анекдот гласит, что, когда князь показал императрице портрет Александра Матвеевича, она заметила: «Рисунок хорош, но краски не важные». На Екатерину смотрело лицо нового поколения русской аристократии, духовно уже близкого эпохе сентиментализма. Он напоминал когда-то оставленного ею Станислава Понятовского. Та же образованность, застенчивость, даже апатичность… Действительно, молодой Мамонов был утончен до рафинированности, и в его образе преобладали больше мягкие, акварельные тона, а не густые сочные мазки, свойственные таким натурам как Орловы и сам Потемкин.

Секретарь саксонского посольства Гельбиг, обычно раздражительный и резкий, говорил о Мамонове в благожелательной манере: «очень умен, проницателен и обладал такими познаниями… в некоторых научных отраслях, особенно же во французской и итальянской литературах, что его можно было назвать ученым; он понимал несколько живых языков, а на французском говорил и писал в совершенстве».

Заметив прекрасный слог молодого поручика, Екатерина быстро привлекла его к ведению переписки с иностранными корреспондентами. Сама она писала по-французски не безупречно, иногда употребляя тяжеловесные немецкие обороты. По собственному выражению императрицы, ей нужна была «хорошая прачка, чтоб стирать написанное». Именно такой «прачкой» для Екатерины стал Дмитриев-Мамонов, довольно серьезно редактировавший ее стиль. Александр Матвеевич писал пьесы, некоторые из них были поставлены в Эрмитажном театре, хорошо рисовал, делал удачные карикатуры мелом, от которых умирало со смеху избранное придворное общество на камерных собраниях у императрицы. Среди его архива, разобранного уже в первой четверти XIX в. дочерью графа, был обнаружен искусно вырезанный силуэт Екатерины II.

Обладая врожденным вкусом, Мамонов любил носить красное, гармонировавшее с его черными глазами. Поэтому сначала Екатерина, а за ней и весь двор прозвали его «Красный кафтан». Протеже Потемкина, Мамонов принадлежал к его партии. Часто отсутствуя в столице, князь нуждался в преданном ему человеке возле императрицы. Первые годы своего фавора Александр Матвеевич оправдывал надежды покровителя. Однако

близилось время, когда молодой человек, почувствовав степень своего влияния на Екатерину, захотел занять при ней первую роль. Пустяковый, на первый взгляд, случай с Дубровицами стал своего рода пробой пера, попыткой показать покровителю, как много он значит для императрицы.

По общему мнению, Мамонов имел *один* весомый недостаток — страсть к накоплению и приобретению. Иными словами, жадность. Образ Дубровиц оставил в его сердце незаживающую рану, и после отъезда Александр Матвеевич приступил к императрице, умоляя купить для него подмосковное имение Потемкина. Князь любил Дубровицы. Село было куплено Григорием Александровичем в 1781 г. у князя С. А. Голицына, оно располагалось на старых боярских землях и было застроено с размахом. Хотя сам светлейший там не жил, но денег на приведение в порядок запущенного прежними разорившимися владельцами имения не жалел. Особая привязанность князя к Дубровицах объяснялась тем, что он сам думал под старость, подобно другим русским отставным вельможам, перебраться в Москву и здесь доживать свой век. Но судьба не отпустила ему ни времени, ни места для покоя.

Екатерина II считала Дубровицы просто одним из многочисленных имений светлейшего, которые он нередко продавал в казну для уплаты долгов, а затем вновь получал от императрицы в подарок. Потемкин часто расходовал свои деньги на государственные нужды и, по меткому выражению принца Ш.-Ж. де Линя, «владея миллионами, вечно сидел без денег». Поэтому ничего дурного в покупке Дубровиц Екатерина не нашла. Уже через два дня после посещения имения 25 июня из Коломенского императрица отправила светлейшему князю письмо о своем намерении купить у него имение. «Естьли вы намерены продавать, то покупщик я верный, а имя в купчую внесем Александра Матвеевича», — писала она.

Идея Потемкину не понравилась. Но и прямо сказать об этом императрице он не мог: она столько раз выручала его деньгами, делала так много бесценных подарков, и отказать ей сейчас в пустяковой просьбе, значило обидеть ее. Он велел своему управляющему в Петербурге М. А. Гарновскому затягивать дело. И тут Оттоманская Порта разорвала мир. Для Потемкина Дубровицы сразу отодвинулись на задний план.

Обострение политической обстановки усилили роль Мамонова при дворе, императрица делилась с ним многими секретными сведениями, допустила к ознакомлению с донесениями с театра военных действий, расширила доступ к своей личной переписке. Это льстило честолюбию фаворита, но

даже возбуждение крупной политической игры не затмевало в его глазах тихих радостей стяжательства. «Александру Матвеевичу приятно чтение реляций, но еще приятнее дела дубровицкие», — не без сарказма замечал Гарновский в письме В. С. Попову, начальнику канцелярии светлейшего князя. А ведь донесения начала войны были безрадостны. Первые неудачи, отход вглубь территории, страшное известие о том, что многодневной бурей уничтожен Черноморский флот, вышедший в море на поиски противника… Без флота не только невозможно было штурмовать Очаков, но и защищать Крым. До Дубровиц ли? Занятый и измученный Потемкин, наконец, сдался. Просто отмахнулся. Да и не нужны они ему уже были, Дубровицы, без флота, без Тавриды…

В конце концов и флот, как оказалось, не погиб, а только был сильно поврежден, и Крым удалось отстоять, но Дубровицы уплыли в чужие руки. В сентябре 1787 г. в самый разгар трудностей на театре военных действий сделка была завершена.

Находившийся в Москве отец фаворита сам следил за всеми мелочами сделки и проявил при этом редкую скаредность. Московскому и дубровицкому управляющим Потемкина (а люди это были оборотистые) не удалось забрать из имения даже фарфорового сервиза и серебряных ложек. Мамонов явно находился в силе. Он все еще поддерживал при дворе партию светлейшего князя, но заставлял за это дорого платить. Кто бы мог тогда подумать, что великолепный подмосковный дворец понадобится Александру Матвеевичу так скоро.

Уже с середины 1787 г. Гарновский доносил на юг начальству, что «паренек скучает». Фаворит сравнивал свое житье с золотой клеткой. В 1796 г. Державин написал стихотворение «Птичка»: «Поймали птичку голосисту / И ну сжимать ее рукой. / Пищит малютка вместо свисту, / А ей твердят: пой, птичка, пой.» Эти строки как нельзя лучше подходят для характеристики душевного состояния Александра Матвеевича этого времени. Во дворце Мамонов обратил внимание на молодую фрейлину императрицы Дарью Федоровну Щербатову, дочь генерал-поручика Ф. Ф. Щербатова.

Запретное чувство оказалось для обоих настолько притягательным, что они начали украдкой встречаться в доме своих общих друзей Рибопьеров. Риск только поджигал слабый огонек взаимной склонности, и вскоре желание быть рядом с любимой, как тогда казалось Мамонову, женщиной стало для фаворита наваждением. Он тайком посылал ей фрукты с императорского стола, совершал тысячи опасных поступков, которые могли выдать обоих с головой. Так продолжалось около

полутора лет. Мамонов полагал, что со временем императрица сама оставит его, и тогда он сможет жениться. Его деловые качества, а также большая осведомленность в самых секретных вопросах тогдашней политики позволяли ему надеяться, что и после отставки с поста фаворита он останется на службе. Но судьба распорядилась иначе.

В начале 1789 г. Потемкин побывал в Петербурге. Его возмутило почти пренебрежительное обращение Мамонова с императрицей. Покорный в вопросе о Дубровицах, здесь князь был задет за живое. Он довольно резко поставил фаворита на место, а Екатерине посоветовал «плюнуть на него». После отъезда Григория Александровича в армию императрица собралась с силами и написала Мамонову грустное письмо, где признавала, что ему скучно с ней и предлагала фавориту оставить ее и жениться. В ответ Александр Матвеевич сознался, что уже полтора года любит Щербатову, и она отвечает ему взаимностью. Больнее измены Екатерину в данном случае оскорбил тот факт, что Мамонов все это время лгал и притворялся, вместо того, чтоб честно признаться ей. Она простила несчастных влюбленных, считая, что они и без того уже наказаны необходимостью прятаться и скрывать свое чувство.

«Государыня была у него более 4 часов. Слезы текли тут и потом в своих комнатах потоками», — доносил 21 июня Гарновский. На следующий день состоялся сговор молодых. «Государыня при сем случае желала добра новой паре таковыми изречениями, коих нельзя было слушать без слез». 1 июля состоялось венчание в придворной церкви, императрица по обычаю сама убирала голову невесты бриллиантами. Праздник был тихим, в кругу «малого числа приглашенных особ», как писал Гарновский. В качестве свадебного подарка молодые получили 3 тысячи душ и 100 тысяч рублей на обзаведение.

Императрица сама обо всем написала Потемкину. Из некоторых замечаний князя зимой во время приезда Екатерина сделала вывод, что Григорий Александрович знал о романе фаворита со Щербатовой. «Если зимой тебе открылись, для чего ты мне не сказал тогда? — упрекала она корреспондента 14 июля. — Много бы огорчения излишнего тем прекратилось и давно он уже женат был. Я ни чей тиран никогда не была и принуждение ненавижу… Вы исцелили бы меня в минуту, сказав правду». Благодаря донесениям Гарновского, Потемкин действительно знал, как развиваются события, но, щадя чувства своей немолодой подруги, он лишь намекнул ей, что Мамонов не стоит ее слез. «Но я виновата, — говорила императрица секретарю А. В. Храповицкому, — я сама его перед князем

оправдать старалась».

Мамонов вместе с молодой женой покинул Петербург. «Он не может быть счастлив, — сказала Екатерина Храповицкому, — разница ходить с кем в саду и видеться на четверть часа или жить вместе». В этих словах слышится не ревность и раздражение, а глубокая печаль пожилой женщины, прекрасно разбирающегося в человеческих душах.

Особенно удивило императрицу и придворных то, что Мамонов надеялся остаться с супругой в Петербурге и продолжать вести дела. Его поведение ничуть не напоминало поведения счастливого человека. Уезжая, он, по словам Гарновского, обещал еще вернуться и «всеми править». Граф мешался в речах, и даже изводил оставленную им Екатерину вспышками неожиданной ревности. Неудивительно поэтому, что многие при дворе заговорили о том, что Мамонов повредился в рассудке. Те же слухи приходили и из Москвы, куда отправились молодые.

Уже в XIX в. история молодого фаворита, отказавшегося от своего положения из-за любви к юной прелестной девушке, обросла романтическими подробностями. Известный автор популярных сочинений на историческую тему поляк Валишевский, живший в Париже, весьма живо передал этот эпизод из жизни Екатерины II. Молодой тщеславный красавец несколько лет разыгрывал перед «влюбленной старухой» спектакль. Но, по мнению Валишевского, в данном случае читатели имели дело «с человеком, у которого низменные инстинкты еще не вполне взяли верх над чувствами высшего порядка. Только цена позора была слишком высока… Но наступил день, когда этот человек, сделавший любовь унизительным орудием своего честолюбия и богатства, пожертвовал тем и другим также ради любви». Прекрасный сюжет в духе немецкого романтизма: здесь и нравственное падение обаятельного, но нестойкого героя, и возрождение души под очищающим воздействием любви, и нежная благородная девушка, чье возвышенное чувство помогает герою подняться. Именно такую пьесу под названием «Фаворит» и создала в 1830 г. немецкая писательница Бирх Пфейфер. Единственное представление имело громадный успех, театр ломился, зрители рыдали в зале.

Но дело в том, что жизнь — самый талантливый писатель, а реальность всегда намного глубже и сложнее любой, пусть даже самой удачной инсценировки. Современный русский историк В. С. Лопатин справедливо отмечал, говоря о популярных в последнее время в России книгах Валишевского, что при всей их

броскости, автор как бы скользит по поверхности, не опускаясь дальше первого наиболее яркого впечатления. Что же происходило в реальности?

Прежде всего не было «влюбленной старухи», комичной в своем самообольщении. Да, Екатерина в 1789 г. была уже очень не молода и далеко не так хороша собой, как 30 лет назад. Но она это прекрасно осознавала. Сохранился любопытный придворный анекдот: императрица и одна из ее пожилых подруг сидели в парке на скамейке, а мимо них прошли молодые офицеры, не замечая мирно беседующих дам, и даже не отдали честь императрице. Подруга было хотела возмутиться, но Екатерина остановила ее: «Полноте, — с улыбкой сказала она. — Согласитесь, что лет 30 назад они бы так не сделали». Одной из самых обаятельных черт в характере Северной Минервы было ее умение посмеяться над собой, а такие люди не легко обольщаются.

Екатерина знала себе цену. Даже в пожилом возрасте. Она имела на это право. Приведем два примера, которые говорят сами за себя. В 1787 г., как раз в то время, когда императрица путешествовала по Крыму в сопровождении 29-летнего Мамонова, юная графиня Вера Николаевна Апраксина, племянница графа К. Г. Разумовского, написала, как пушкинская Татьяна Ларина, письмо Петру Васильевичу Завадовскому, которого часто видела в доме своего дяди. Храбрая девушка встретилась с предметом своей тайной страсти и сама первая призналась ему в любви, прося жениться на ней. Завадовский был обескуражен. Сентиментальный и сострадательный, он не посмеялся над Верой и ответил, что может стать ее мужем, но полюбить будет не в силах, несмотря на все достоинства юной графини, его сердце навсегда отдано только одной женщине. Фавор Завадовского окончился уже 10 лет назад, а он так и не избавился от тоски. Вера решила, что ее чувство оживит душу любимого человека, но ошиблась, их брак оказался несчастливым: Завадовский говорил правду, кроме Екатерины ему никто не был нужен.

В это время Екатерина II встречалась в Киеве с представителями польского дворянства, среди которых был Ф. Щенсный-Потоцкий, один из богатейших магнатов Польши, входивший в старошляхетскую оппозицию королю. Императрице необходимо было расколоть ряды противников Станислава-Августа, она обласкала графа Феликса, вела с ним долгие беседы у себя на корабле и возлагала на него почетную ответственность за спасение Польши. Щенсный-Потоцкий был очарован. Много лет спустя он рассказывал об этой встрече и впечатлении, произведенном на него Екатериной: «Что за женщина! Боже мой!

Что за женщина. Она осыпала дарами своих любимцев, а я бы отдал половину своего состояния, чтоб быть ее любимцем!» Екатерине в это время было 58 лет, Щенсному-Потоцкому — едва за 30. Этот случай должен разочаровать тех, кто полагает, что пожилую императрицу любили только за власть и богатство, которое она могла дать. Обаяние, исходившее от нее было сильнее, возраста и любых предубеждений. Екатерина II была гением, а мерить гениев обычными мерками — бессмысленно.

Во-вторых, не было актера, который, согласно Валишевскому, «сделал любовь унизительным орудием своего честолюбия». Как много о людях могут рассказать их портреты! Когда я впервые увидела портрет Д. Ф. Щербатовой, меня не оставляло чувство, что это лицо мне кого-то напоминает. Удлиненный, не русский овал, тяжелый волевой подбородок, похожая складка упрямых тонких губ… Пожилая императрица и молоденькая фрейлина внешне принадлежали к одному и тому же типу женщин. В этом состояла грустная тайна Александра Матвеевича. Он тоже любил Екатерину. Но она была уже слишком стара для него. И, когда Мамонов решил оставить пострадавший от времени оригинал, он выбрал не новую картину, а неудачную копию.

Но разве вина Дарьи Федоровны, что она оказалась обыкновенной женщиной? Легкомысленное желание молоденькой фрейлины хоть в чем-то взять верх над императрицей обернулось для нее несчастьем всей жизни. Любимый муж не любил ее. Весь дом в Дубровицах, по свидетельству А. Я. Булгакова, осматривавшего его уже в первой четверти XIX в., был увешан портретами Екатерины. Культ императрицы являлся заметной чертой русского дворянского быта второй половины XVIII — начала XIX вв., однако в Дубровицах он принял поистине болезненные размеры. Портреты Екатерины находились в каждой комнате, среди них были и маленькие рисунки, сделанные рукой самого Александра Матвеевича. Как непохоже такое поведение на образ действий человека, наконец, вырвавшегося из душивших и унижавших его объятий «влюбленной старухи». Если б дело действительно обстояло так, то бывший фаворит постарался бы поскорее избавиться от всего, что напоминало ему о прежней жизни.

Похожую историю рассказал Сомерсет Моэм в романе «Театр». Пожилая талантливая актриса Джулия Ламберт заводит молодого любовника, мелкого клерка, с детства преклонявшегося перед ее дарованием. Однако вскоре, став респектабельным и разбогатев, не без помощи Джулии, бывший клерк начинает тяготиться своей увядающей возлюбленной, он увлекается молоденькой артисткой и признается во всем Джулии, виня себя

за то, что позволил богатой старухе купить свои чувства. Джулия отпускает его. Но на премьере нового спектакля ее душевные переживания выплескиваются на публику, на сцене она все еще царица, ей удается превратить бездарную пьесу в настоящий театральный триумф. А что же соперница? Она тоже получила одну из главных ролей, но на фоне блестящей игры Джулии, выглядит бледно и нелепо, для нее это полный провал. Бывший возлюбленный осознает все ничтожество молодой амбициозной недоучки и пытается вернуть Джулию, но она потеряна для него навсегда.

В жизни, как и в романе Моэма, побеждает более талантливая и богато одаренная натура. Промучившись около года в подмосковной глуши, Александр Матвеевич не выдержал. «Случай, коим я по молодости лет и по тогдашнему моему легкомыслию удален… стал от Вашего Величества… — писал он Екатерине из Дубровиц, — беспрестанно терзает мою душу… Возможно ли, чтобы я нашел случай доказать всем… ту привязанность к особе Вашей, которая, верьте мне, с моею только жизнью кончится». Императрица не оставила письма бывшего фаворита без ответа, но обстоятельства ее жизни изменились, теперь возле нее был другой — П. А. Зубов. В ответе Екатерина справилась о том, как поживают домашние Мамонова, мягко показывая тем самым, что просьба Александра Матвеевича теперь, после свадьбы, не реальна. «Сколь я к ней не привязан, — писал Мамонов о семье, — а оставить ее огорчением не почту».

Это была горькая правда. Жизнь молодых в Москве и Дубровицах нельзя было назвать счастливой. Александр Матвеевич бросался на стены от безделья. Не даром Потемкин, как бы он ни был рассержен на своего неблагодарного и корыстного протеже, советовал Екатерине не забывать о способностях молодого человека и отправить его куда-нибудь послом. Все что угодно, только не бездействие. Светлейший князь знал, о чем говорил. В жилах выходцев со Смоленщины, Дмитриевых-Мамоновых текло много польской крови. Григорий Александрович сам принадлежал к православной смоленской шляхте и понимал «национальные» особенности этой среды. В одном из писем Екатерине, доказывая пользу службы поляков в русской армии, он говорил: «Пусть лучше здесь себе головы ломают, чем бьют баклуши в резиденциях и делаются ни к чему не годными». Запертый в Дубровицах, Мамонов именно «бил баклуши в резиденции», и с каждым днем все больше нравственно опускался.

Ни в чем не желая упрекать себя, он считал жену виновницей своего главного несчастья — удаления от Екатерины и

вынужденного безделья. Упреками и мелким домашним тиранством граф буквально изводил несчастную женщину, которая и так не чувствовала себя хозяйкой в доме, где каждая мелочь, каждая ваза, табакерка, перстень, платок напоминали об императрице. В Москве Дарья Федоровна родила двоих детей: Матвея и Марию, но и это не смогло вновь сблизить ее с мужем. Молодая графиня заметно чахла, и наконец в 1801 г. умерла. Ее супруг, замкнутый и избегавший общества, вынужден был сам заняться детьми. Александр Матвеевич относился к малышам скорее как добросовестный опекун, чем как любящий отец. Их окружало множество воспитателей и учителей, некоторые из которых были специально выписаны графом из Парижа. Надо отдать Мамонову должное, его дети действительно получили прекрасное образование, но отсутствие домашнего тепла болезненно сказалось впоследствии на характерах обоих.

Обладая огромным состоянием и прекрасными задатками, граф, уйдя в отставку, так и не нашел себе дела. Свою опалу он переносил гораздо болезненнее, чем другие вельможи того времени, оказавшиеся в Москве на вынужденном покое. Блестящий кавалер, остроумный собеседник, приятный гость, он даже не попытался вписаться в круг московского дворянского общества того времени и тем самым добровольно лишил себя общения с людьми.

Почему? Может быть общество было к нему не расположено? Напротив. В это же самое время в Москве жил другой отставной фаворит Екатерины II Иван Николаевич Римский-Корсаков, история опалы которого напоминала случай Мамонова. Его фавор окончился 10 лет назад из-за связи с приятельницей императрицы графиней П. А. Брюс. Правда, Прасковья Александровна не была молоденькой фрейлиной, они с императрицей родились в один год, но «Брюсша», как графиню за глаза именовали в свете, считалась красивейшей дамой при дворе и была широко известна своими куртуазными похождениями. О Римском-Корсакове москвичи сплетничали ни чуть не меньше, чем о Мамонове. Дело усугубилось еще и тем, что он увез с собой в старую столицу Е. П. Строганову, жену одного из богатейших меценатов России А. С. Строганова. Влюбленная дама разъехалась с мужем и открыто поселилась в доме Римского-Корсакова в Москве. Жили они по-семейному, имели общих детей, получивших впоследствии дворянство под фамилией Ладомирских, и ни от кого не прятались.

Итак, дорога для Мамонова была уже проложена. Ничего необычного в его приезде в старую столицу не замечалось. Куда сложнее было когда-то Г. Г. Орлову проехать через Москву, где

толпа забрасывала его карету грязью, или А. Г. Орлову явиться в старую столицу с клеймом цареубийцы на лбу, но и они нашли в себе мужество не прятаться. Сделай Мамонов шаг навстречу московскому обществу, найди в себе силы жить в нем, и рано или поздно он был бы принят. Но мягкий и мнительный Александр Матвеевич не смог.

Ланжерон писал в мемуарах: «Некоторые из фаворитов умели облагородить свое унизительное положение: Потемкин, сделавшись чуть не императором, Завадовский — пользой, которую приносил в администрации; Мамонов — испытываемым и не скрываемым стыдом». Во время памятного разговора Екатерины с А. В. Храповицким о женитьбе Мамонова императрица сказала: «Он от всех отдалился, избегал даже меня. Его вечно удерживало в его покоях стеснение в груди. А на днях вздумал жаловаться, будто совесть мучает его; но не мог себя преодолеть… Сперва, ты помнишь, имел до всего охоту, и все легко давалось, а теперь мешается в речах, все ему скучно, и все грудь болит».

В зените своего влияния Александр Матвеевич испытывал что-то вроде страха перед большим стечением народа: ему казалось, что все на него смотрят и все осуждают. Гарновский в донесениях на юг рассказывал, что во время венчания, по просьбе Мамонова, в придворную церковь, не допускался никто посторонний, кроме лиц, непосредственно присутствовавших на свадьбе. Потом последовал скромный свадебный ужин с очень небольшим числом приглашенных. Через день молодые отбыли в Дубровицу «с тем, — отмечает Гарновский, — чтоб пробраться туда прямо, не заезжая в Москву».

Добровольно запершись в Дубровицах, Мамонов изводил себя и окружающих. Неудивительно поэтому, что по Москве пополз слух о его сумасшествии. Забегая вперед скажем, что, зная о душевной болезни сына Александра Матвеевича, мы не видим в этих слухах ничего невероятного. После смерти жены он все же сумел взять себя в руки. Упрекать больше было некого, а на его попечении остались двое маленьких детей. Первым решительным шагом к выходу из затянувшегося кризиса стала для Мамонова перестройка дворца. В соответствии с канонами классицизма старое усадебное здание было увенчано фронтонами. Работы, начатые с размахом, остановились после внезапной смерти самого владельца в 1803 г. «Больная грудь» не была отговоркой — чахотка, прогрессировавшая вместе с нервным заболеванием, свела Александра Матвеевича в могилу. Все свое огромное состояние он оставил сыну, юному графу Матвею Александровичу.

Судьба этого мальчика во многих отношениях примечательна, поскольку с сыном до известной степени повторились несчастья, постигшие его отца. Блестяще образованный и талантливый молодой граф быстро продвигался по служебной лестнице, к началу войны 1812 г. в 23-летнем возрасте он был уже обер-прокурором Сената. В трагические дни, когда французы подходили к Москве, граф на свои средства формирует полк, а затем участвует с ним в заграничном походе русской армии. Однако гордый и заносчивый Матвей Александрович чем-то не поладил с Александром I и вынужден был снять генеральский мундир и уйти в отставку. Так же как и его отец, он заперся в Дубровицах, никого не хотел видеть, почти никуда не выходил, и с 1817 г. по Москве поползли слухи о его помешательстве.

Недовольный «нашим неустройством» (общественными порядками в России), Мамонов вместе со своим другом генералом М. Ф. Орловым в 1814 г. создал первую преддекабристскую организацию «Орден русских рыцарей». Известный историк Ю. М. Лотман в специальной статье, посвященной жизни графа, высказывал мнение, что причиной его безумия была расправа, учиненная над ним как над членом декабристского общества: Мамонова объявили сумасшедшим, заключили в собственном доме и в конце концов он действительно сошел сума. Непонятно правда, что помешало Николаю I, если Александр Матвеевич был в действительности здоров, сослать его, как других членов общества, в Сибирь? Вероятнее всего признаки начинавшейся болезни как раз спасли Мамонова от возбуждения против него дела, однако насильственное заточение, опека, принудительное лечение еще больше усугубили помешательство графа. Много лет он прожил под строжайшим присмотром и скончался в 1863 г., уже совершенно умалишенным.

Перед нами судьба двух незаурядных людей своего времени, не выдержавших одного из главных испытаний в жизни государственного деятеля эпохи абсолютизма — испытания опалой. На примере отца и сына Дмитриевых-Мамоновых приходится признать, что пережить отставку и немилость крупный вельможа или заметный чиновник мог, лишь отважившись сосуществовать с остальным дворянским обществом и добившись для себя в нем прочного места. В противном случае вынужденное одиночество приводило к нервному срыву и трагической развязке..

* * *

Мы прощаемся с нашими героями, но не прощаемся со старой столицей. Как и двести лет назад звучит музыка в московском доме княгини Дашковой; прогуливаются парочки по тихим аллеям Нескучного сада; в далеком селе Дугине, где занимался «великим деланием» П. И. Панин, краеведы продолжают находить загадочные масонские клады; грустно и величественно встречают путешественников Дубровицы; и каждое утро солнце золотит маленькие короны над куполами церквей в Перово и Барашах.